

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

Рос 4-4
10с 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-198

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

40—42

НОЯБРЬ 1933—ЯНВАРЬ 1934 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: М. Неттлау. Цели и методы анархизма.—А. А. Карелин. Задачи социальной революции (статья вторая). — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. О режиме собственности после революции.—Ф. ЭРТЕР. Религия.—Э. МАЛАТЕСТА. Вокруг «нашего» анархизма.—АНАТОЛЬ КОНСЕ. Стихи. — ЖАН ГРАВ. Будем остерегаться чрезмерностей.—Ф. ФРУМКИН. Анархист Джон Маккай.—КАРЛ НОЛД. Джозеп Лабади.—М. НЕТТЛАУ. Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.—Д. Г. МАККЕЙ. Анархия (Стихотворение).—АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Идейным анархистам (Стихотворение).—Мелкие заметки и сообщения.

М. NETTLAU.

ЦЕЛИ И МЕТОДЫ АНАРХИЗМА

СТАТЬЯ М. НЕТТЛАУ.

В сентябре 1889 г. Малатеста присутствовал на редактировании итальянского анархического еженедельника («Социальный вопрос» («La Questione Sociale»), издававшегося в Патерсоне, Нью-Джерси. Он изложил основные идеи анархизма в серии статей под заголовком «Наша программа», выпущенных в форме брошюры в 1903 г. (Патерсон. Типография «Ель Деспертар», 31 стр. в 16°). Когда второй Конгресс «Итальянского Анархического Союза», состоявшийся в Болонье 1—4 июля 1920 г., решил обсудить и принять анархическую программу, то указанные статьи Малатесты, с небольшими лишь изменениями, были одобрены, и затем эта программа была издана в Болонье и перепечатана в Риме Малатестой несколько лет спустя, при чем

в издании программы принял участие его журнал «Мысль и воля» («Pensiero e Volontà»). Таким образом, на протяжении 25 лет программа Малатесты являлась документом, представлявшим взгляды итальянского анархизма. В более ранний период Малатеста дал исчерпывающее изложение своих идей о теории и тактике анархизма в «Аппелло» («Appello»), вышедшем в Нишпе в сентябре 1889 года, и в «Программе» новой газеты «Ассоциация» («L'Associazione»), который вышел в Нишпе несколькими неделями позднее. Эти два текста существуют на итальянском и испанском языках, на другие же языки они в то время не были полностью переведены, и теперь найти их трудно. По моему мнению, они заслуживают раз-

смотрения совместно с более широко известной программой 1899 года. Это дает возможность понять теоретические и практические взгляды Малатести в целом. Во всяком случае, те семь статей, в которых он дает цельное изложение главных задач анархизма (1899), являются классическим изложением анархических взглядов и задач. Поэтому я воспроизвожу их здесь в переводе.

«1. Уничтожение частной собственности на землю, экспроприация сырых материалов и орудий труда, обеспечение всем средств производства и возможности существования, для того, чтобы люди стали действительно независимыми и могли бы вступать в свободное общение с другими людьми, в полном согласии с общими интересами всех людей и со своими собственными желаниями и вкусами.

2. Отмена всякого правительства и всякой власти, диктующей и поддерживающей какие бы то ни было законы; следовательно, уничтожение монархий, республик, парламентов, армий, полиции, судебных властей и всех учреждений, располагающих средствами принуждения.

3. Организация общественной жизни свободными ассоциациями и федерациями производителей и потребителей, при чем эти ассоциации расширяются и изменяются в согласии с волею их участников, руководящихся опытом и на связанных никаким иным принуждением, кроме того, которое вытекает из естественных законов и которому все подчиняется добровольно, руководясь пониманием того, что эти законы природы неустранимы.

4. Обеспечение средств к жизни, развитию и благосостоянию детям и юношеству, не могущим производить нужные им продукты.

5. Война против всех религий и всякой лжи, даже тогда, когда они скрываются под личиной научности. Образование для всех, вплоть до высших степеней.

6. Война патриотизму, уничтожение границ, всеобщее братство.

7. Восстановление семьи путем любви,

освобожденной от экономического и финансового ига и принуждения, а равно и от религиозных предрассудков.

Если мы обратимся к более ранним документам, ныне ставшим доступными, то мы могли бы найти в программах, написанных и обоснованных Бакуниным в 1865, 1866 и 1868 г.г. наиболее раннее изложение совершенно таких же идей. Рассуждения Бакунина стали известны Малатесте в 1871—72 годах и образовали неизменную основу его мысли, оставшуюся непоколебленной вплоть до его смертного часа в 1932 г. Ни Бакунин, ни Малатеста не претендовали, что они знают о будущем социальном развитии больше, чем изложено было ими в общих чертах, а именно: прогрессивная эволюция совершается в направлении к такому обществу, какое обрисовано выше, а анархисты делают все возможное, чтобы поддержать, облегчить и ускорить эту эволюцию. Потом примкнул другие, наполняют эти широкие рамки подлинно новой жизнью и пойдут дальше своих предшественников, руководясь новым опытом, новыми желаниями и новыми взглядами на дальнейший прогресс.

В сентябре 1889 г. Малатеста резюмировал «основные принципы логического и последовательного социализма» в двух пунктах:

«1° Насильственная экспроприация богатств и власти у буржуазии и государства;

«2° Передача всего отнятого ассоциациям и свободным организациям, которые будут совместно распоряжаться всем достоянием общества путем свободных соглашений в интересах общества».

В «Программе», опубликованной 10-го октября, Малатеста предлагает следующую линию поведения тем, кто примкнет к предложенной «Интернациональной Социалистической Анархической Революционной Партии»:

«1° Пропаганда путем печатного и устного слова и путем действия против собственности, правительства и религий; воз-

буждение бунтарского духа в пролетарских массах; борьба со всеми парламентскими методами и отказ от всякой избирательной борьбы; использование всех возможностей, всех экономических и политических событий для возбуждения народа к нападению на собственность и к захвату ее; пренебрежение к власти и презрение и нарушение ее законов; внушение бедным и угнетенным любви, духа самопожертвования и солидарности между собой, и духа ненависти против господ и угнетателей; побуждение молодежи к отказу от военной службы, солдат — к побегу, жильцов — к неуплате квартирной платы, земледельцев — к отказу от сдачи урожая землевладельцам, забастовщиков — к применению силы и грабежа для понуждения к принятию их условий. Одним словом, побуждение всего народа к отнятию у буржуазии всего нужного народу и к совершению всех действий, какие подскажет народу его сознание собственных прав, чувство справедливости и солидарности.

2° Подготовка и возбуждение вооруженной революции и принятие в ней непосредственного участия с целью свержения правительства и побуждения земледельческих и промышленных масс к тому, чтобы они, не поручая этого дела никаким представителям и ни от кого не ожидая никаких приказов или резолюций, приступали бы к захвату и передаче в общественную собственность домов, продуктов, земли, орудий труда, перевозочных средств и сырых материалов, находящихся теперь в руках капиталистов, — одним словом, к захвату всего, что существует, но не используется личными силами тех, кто владеет этим достоянием.

3° Борьба против всякого делегирования власти и ускорение, путем пропаганды и примера, организации производства и потребления.

4° Предотвращение, путем пропаганды и путем силы, установления новых правительств и попыток с их стороны навязать свою волю массам, остановить и извратить развитие новых социальных сил.

Эти строки приводятся здесь в каче-

стве выдержки из редкого исторического документа, чтобы объяснить, как Малатеста и, ранее его, Бакунин понимали подготовку и осуществление революционного переворота. Этот документ относится к эпохе, когда всеобщая народная революция, возвещенная и совершенная решительными анархистами, казалась почти осязаемой возможностью. С тех пор прошло сорок лет. Почти везде люди очутились за это время в рабстве у социал-демократических вождей. Шестнадцать лет тому назад народ согласился даже надеть на себя ярмо коммунистической диктатуры. Это было первое и знаменательное предупреждение о том, что авторитарные привычки и взгляды гораздо сильнее в массах, чем это думали безвластники 40, 50, 60 лет тому назад. Тот факт, что большевики согласились надеть на себя оковы фашизма, и что другие большевики все еще отказываются от серьезных социальных перемен и все еще верят в спасительность конкуренции между людьми, как способ достижения всеобщего благополучия, — является вторым знаменательным предостережением. Малатеста пришлось самому пройти через этот тяжелый опыт. В своих позднейших писаниях он предложил более широкий круг деятельности для обезвреживания анархистам возможно более широкого распространения их идей. У него был также практический революционный опыт: неделя революции в Романье и события в Анконе в июне 1914. В статье «Две дороги», написанной летом 1920 г., он обсуждает предостережения, как всем тогда казалось, революционные выступления. В течение первого года издания «Мысль и воля» (1924) он все еще рекомендует разные виды либертарной борьбы, целесообразные в случаях всеобщего восстания против фашизма. Кроме того, в своей критике заблуждений «Платформистов» и других заблуждений последних лет, он дал изложение своих лучших мыслей об истинно плодотворной революционной деятельности. Он никогда не отказывался ни от одного слова своей «Программы» 1889 г., но стре-

мился расширить ее, углубить и сделать более доступной для широких масс, оказавшихся менее передовыми, чем мы все думали много лет тому назад.

Сделать такую программу более широкою и глубокою вовсе не означает специализировать ее, т. е. сузить ее и сделать обратное тому, что нужно. Это следует предоставить «платформистам» и им подобным, любящим «управлять на бумаге», разрабатывать новые социальные своды законов, регламентов, списков мероприятий и т. д. Это, в сущности не что иное, как школа властвования, порочная форма удовлетворения жажды действительной власти. Человек, который требует у анархистов такой программы, и который хотел бы, чтобы она была подробно разработана и приспособлена для немедленного и практического применения и стала бы полезным средством против кризиса, безработицы, неспособности властей и против всех других зол, также еще не освободился из сетей авторитета: он хочет, чтобы им управляли мудро, за дешевую плату и с пользой для него. Если же анархисты не могут помочь ему найти такое идеальное правительство, то он считает их непрактичными, бесполезными для себя, и начинает смотреть по сторонам, пока не встретится с политиканом, который пообещает ему спасение.

Все, что анархисты могут сделать для других, это помешать им стать на пути успехов анархизма, к чему склонны очень многие, стремящиеся вообще остановить всякий прогресс. Они могут только объяснить тем, кто менее заражен предрассудками, почему они являются анархистами, и почему все мыслящие люди, а также дети и юноши, которые тоже доступны разумному обучению, объяснению и примеру, — хорошо поступили бы, если бы стали изучать эти направления мысли и усваивать их. Ибо анархизм — не преходящая система мысли, не модная идея, а интеллектуальное и этическое учение, о наиболее разумных отношениях между людьми, о свободном и справедливом

устроении жизни. Это учение отвечает интересам тех, кого власть и богатство не освободили от забот о своей земной жизни. Миллиардеры, живущие под прикрытием блиндированных стен, защищаемые Пинкертонами, содержащие своих детей в стальных сейфах, охраняющих их от похищения, управляющие путем телефонных приказов Волл-стрит и наслаждающиеся всею роскошью, какую доставляют доллары, — люди, которые чувствуют себя вполне счастливыми, когда едят с золотых блюдов в золотых тюрьмах, — такие люди едва-ли соблазняются идеями анархизма, как не соблазняются ими и те, кто гонится за «положением» в «обществе». Но все обыкновенные люди, успевшие придти к пониманию того, что власть не так мудра, как ее считают, что деньги в банках не так обеспечены, как думают, что доллары, даже находящиеся в их карманах, могут внезапно потерять часть своей стоимости, и что нет и не может быть уверенности в том, что период благополучия вернется, — все такие люди должны ознакомиться с теоретической и практической позицией анархизма в наши дни. Анархисты же сделают хорошо, если будут излагать свои взгляды беспристрастно и пригласять людей к спокойному обсуждению их.

Ровно сорок лет тому назад, ранним летом 1893 года, я написал ряд статей для журнала «Коммонвелл» («Commonweal»), издававшегося в Лондоне. Эти статьи были затем изданы в виде брошюры под заголовком «Почему мы анархисты?» Гоган Мост перевел эти статьи для нью-йоркского журнала «Фрейтайт» («Freiheit»), а отсюда они были перепечатаны и изданы в Берлине брошюрою под заголовком «Цели анархистов». Все эти издания появились без имени автора. Сейчас я едва-ли сумел бы объяснить, как возник заголовок. Я писал эти статьи, путешествуя по деревням в Альпах. Существует итальянская брошюра д-ра Ф. Мерлино «Почему мы коммунисты - анархисты?» Если не ошибаюсь, он написал

эту брошюру летом 1892 года в Нью-Йорке, где он содействовал изданию «Solidarity» на английском языке и «Grido degli Oppressi» на итальянском языке. Брошюра носит его имя, тогда как моя, написанная в 1893 году, носит заголовок «Почему мы анархисты - коммунисты» и не носит моего имени.

Два года спустя одна лондонская группа предложила мне написать изложение моих взглядов. Этой небольшой брошюре дали заголовок: «Манифест союза лондонских анархистов - коммунистов». Они обезпечили Кропоткина просьбой просмотреть брошюру. За исключением одной детали, он не сделал никаких возражений. Брошюра была напечатана без указания моего имени.

Таким образом, сорок и тридцать восемь лет тому назад я претендовал на знание того, что такое анархизм, и объяснял другим его сущность. Я также написал разговор между анархистом и социал-демократом, в котором последний оказывается побежденным. Этот «разговор» был напечатан в «Фрайгайт» (Нью-Йорк) приблизительно в 1891 г. Позднее я стал менее категорическим в своих утверждениях и начал изучать анархизм и излагать свои личные взгляды товарищам, не претендуя, однако, ни на обучение кого-нибудь, ни на убеждение кого-нибудь. Теперь уже поздно изменять свой метод снова. Личные мнения и личные советы — вот все, что я предлагаю, когда пишу об анархизме. Если не ошибаюсь, такую позицию я занял в 1897 году и с тех пор не отступаю от нее.

Все это дало мне понять, что решительно каждый поступает точно так же во всех случаях, признает ли он это, или не признает. Всякое утверждение по необходимости является личным мнением его автора, за исключением лишь тех случаев, когда он повторяет личное мнение другого человека, или когда то или иное утверждение является продуктом группы людей. Однако, и в этом последнем случае личное мнение сильнейшего или наиболее

настойчивого преобладает, или же результат является безличным компромиссом, который никому не дает полного удовлетворения. Такой компромисс становится препятствием для прогресса, пока новая и полная жизни мысль не расчистит ему дорогу. Именно так обстоит дело с программами обычного типа, которые являются бездушными абстракциями и становятся мертвым грузом, пока жизнь не подорвет их влияния. Вот почему я изложил здесь программу Малатесты 1899 и 1920 годов и проследил их связь с его собственными ранними взглядами и с идеями Бакунина. Программа Прудона была бы ниню. Иными были бы и программы Кропоткина, Элизе Реклю и любого другого независимого анархического мыслителя. Мы счастливы, что не имеем единой и выдуманной анархической программы, а имеем десятки прекраснейших анархических идей, подобно тому как искусство и поэзия находят для себя безчисленные выражения. Так как работа науки не имеет конца и так как позади всякой разрешенной проблемы уже виднеется новая проблема, так же, в общем, и жизнь развивается бесконечно и не одевается в единую и законченную форму, и так же и анархические идеи будут продолжать разветвляться и изменяться под влиянием размышления и опыта, причем некоторые из них будут отпадать, а другие будут распространяться и образовывать широкую основу для дальнейшего развития и т. д.

Стремился ли когда-нибудь кто-либо к единообразию в музыке, представлял ли себе кто-нибудь, что Бетховен опроверг Моцарта, или что Вагнер уложил на обе лопатки Бетховена? Заместил ли Рембрандт Тициана? Конечно, нет. Но такие мнения тем не менее, в ходу среди властников, где христианство считается выше иудаизма и язычества. В этих кругах господствует убеждение, что каждый христианин имеет право и обязанность уничтожать неверных. Современные националисты и социалисты придерживаются совершенно одинаковых мнений, и повсюду, где они могут и смеют, дейст-

вуют совершенно так же свирепо, как и крестоносцы и погромщики. Марксисты действовали как дикари в области социализма, откуда Маркс покаялся постерить всякое иное понимание социализма.

Своим выступлением против Бакунина в сентябре 1872 года, на Гаагском Конгрессе, Маркс уже сделал попытку персонально скомпрометировать политического и теоретического противника. Физическое насилие против других социалистов — явление обычное теперь повсюду, где социалисты — марксисты держат в своих руках «политическую власть», как, напр., в России, Испании и т. д. Религии этого типа имеют свои исповедания веры и катехизисы. Социалисты этого типа клянутся своей верностью программам и имеют свои уставы партийной дисциплины. Их сторонники многочисленны, ибо они зачисляют в свои ряды очень умеренных или реакционно настроенных людей. Настоящие социалисты сначала попытались бы перевоспитать таких людей и освободить их от авторитарных взглядов, для авторитарных же социалистов они хороши и таковы, как они есть, ибо они могут выполнять те два или три требования, которые к ним предъявляются: голосовать по указке (как голосовали они всегда), платить взносы (как платили они всегда налоги) и повиноваться своим вождям (как они повиновались всегда своим вождям). Эти вновь организованные массы, которые являются, в сущности, не-социалистическими и которые послушны диктовке авторитарных социалистов, преграждают путь к истинному социализму, подобно тому, как современные организованные религиозные массы являются оплотом против распространения научной мысли. Этот организованный авторитарный социализм и эта организованная религия являются оплотом старого строя и, как мы видим в настоящее время, эти массы сдвинулись теперь в сторону фанатизма и фашизма. Все это, разумеется, лишь маневры сил старого строя. Силы реакции, быть может, и не увеличились существенно, потому что

люди, ныне называющие себя фашистами, никогда и не были в душе чем либо иным, как бы они ни называли себя в прежние годы.

Отсюда, как мне кажется, вдумчивый человек может сделать вывод, что вся работа истинного социализма покончена теперь на плечах прогрессивных и либеральных людей. Я имею здесь ввиду не только работу анархистов, но и всякое добровольное участие в этой работе со стороны либеральных и гуманитарных элементов, которые очень многочисленны и заслуживают одобрения и поддержки. Было бы совершенной нелепостью считать анархизм чисто разрушительным учением. Может ли что либо расцветать в пустыне, и кто захочет идти в пустыню из числа тех, кто стремится уйти от современной механизированной жизни и жить, так сказать, в мире счастливых зеленых и усталых цветами, полей, лесов и садов? Поэтому всякий зеленый побег, выращиваемый носителем гуманизма в наши дни, находит себе наиболее высокую оценку именно среди мыслящих анархистов. Такие анархисты откликаются на всякое произведение подлинного искусства, на все, что может смягчить или вытеснить жестокость и грубость современной, так называемой, морали, на всякое достижение истинной науки. Они не разделяют увлечения фабриками, соперничающими в высоте с небоскребами, они не сочувствуют официальной жестокости и всякому вмешательству в частную жизнь, не разделяют партийного фанатизма и не занимаются взаимным выслеживанием и доносами друг на друга, как это делают авторитарные социалисты повсюду, где могут. Никто не станет оспаривать того, что все живое и развивающееся требует для себя благоприятных условий. Таких условий и требуют анархисты для всех людей. Свободный человек в свободном обществе является анархическим идеалом и самой непосредственной целью анархизма. Никто не может быть более социальным, чем свободный индивид, ибо его свобода тем более

велика, чем более социально развиты и счастливы все окружающие его. Кто может чувствовать себя счастливым, когда его окружают несчастные? Кто может надлежаще развивать свой разум, если вокруг господствуют невежество и грубость? И кто хотел бы оставаться невежественным и грубым, когда достаточно присоединиться к прогрессивным элементам, имеющимся теперь почти везде, чтобы вступить в среду, где господствует бодрость и где энтузиазм возвышает людей над их личными заботами?

Авторитарный социализм причиняет неисчислимый вред, придавая социализму совершенно непривлекательный и отталкивающий вид. Народ видит в нем теперь лишь сверх-правительство, жестокость, суровость, мрачность лишь перархическую лестницу, не дающую никаких шансов тем, кто по ней карабкается вверх. Он видит в социализме перспективу пониженного уровня жизни, подчинения новым господам и усиления вмешательства в личную жизнь. Этой перспективе народ предпочитает нынешнее наемное рабство и безработицу. Только те, кто рассчитывает на карьеру в качестве второстепенных исполнителей и кто не имеет никаких моральных предубеждений против такой роли, вступают в ряды сторонников государственного социализма. Этот род социализма является областью новой бюрократии совершенно так же, как национализм отделен от современного национального государства с его правящей бюрократией и бедствующим населением. Обе линии развиваются параллельно и вырождаются, ибо власть может порождать только вырождение.

Таким образом, в настоящее время каждый, кто стремится к социальному освобождению, должен становиться лишь либертарным социалистом, анархистом, или же может ограничить себя добровольным социальным гуманизмом, описанным выше. В последнем случае его симпатии непременно будут на стороне либертариев. Ибо он не может не видеть, что анархисты

вполне соответствуют его социальной работе по линии добровольного содействия, и что они помогают и содействуют ему, тогда как авторитарные социалисты попросту ненавидят и презирают эту работу и стремятся сокрушить ее, подобно тому, как они сокрушили кооперацию в России, как они сокрушили тред-юнионизм и синдикализм. Они не терпят ни одного независимого организма вне их собственной всеохватывающей государственности. Все, что ему удастся захватить в свои руки, увядает. Фашизм, как сила все еще более значительная, в один прекрасный день опрокидывает всю социалистическую постройку и стирает ее с лица земли. Каждый сторонник независимого развития знает теперь, на основании горьких опытов социал-демократизма, большевизма и фашизма, что все эти три движения являются разными степенями одного и того же авторитарного принципа и могилу всякого независимого и прогрессивного человеческого стремления.

Быть анархистом означает, в общем, быть другом всякого свободного прогрессивного развития. В настоящее время, правда, все правительства сняли маску. Там, где они не называют себя фашизмом, они все же действуют фашистскими методами и в фашистском духе. Ранее, правительства надевали на себя либеральную, конституционную или республиканскую, иногда демократическую маску, и некоторая часть нынешнего поколения все еще верит в «прогресс через правительства или парламенты». Но одна неделя или даже один день нынешнего правительственного управления открывает глаза гораздо большему количеству людей, чем вся анархическая литература, критиковавшая роль правительства на протяжении ста пятидесяти лет. Много предметных уроков о вреде правительства можно почерпнуть из любой ежедневной газеты, а также из всех анархических изданий нашего времени. Предметные уроки антиобщественного ведения народного хозяйства, безчеловечной властнической жесто-

ности дает власть во всех своих действиях. Время подтвердило правильность анархической критики. Эта критика покачала, но что обходится человечеству его медлительность в деле борьбы с угнетателями, которые, при всей своей неспособности и невежестве, все-же опасны и многочисленны. Они сумели расколоть, некогда сильное, социалистическое течение и безнадежно скомпрометировали авторитарных социалистов. Тем более либертеры должны теперь напроць каждый нерв, что бы содействовать делу подлинного социализма, полного и цельного социализма, который и есть то, что мы называем анархизмом.

Я не вижу надобности объяснять здесь что такое анархизм. Его основные положения даны выше в формулировках Бакунина и Малатесты. Другие изложения легко найти. Наилучшими изложениями являются те, которые можно найти в писаниях Бакунина, Малатесты, Реклю, Кропоткина, Рикардо Мелла и некоторых других. Но в каждом отдельном случае всякая выдержка из писаний названных авторов потребовала бы указания тех условий, в которых была написана соответствующая работа, а это может потребовать, в свою очередь, дальнейших исторических и биографических объяснений. Ни один исследователь не может ожидать, что сущность столь многих размышлений, изучения и опыта будет представлена ему в краткой формуле, которая избавила бы его от необходимости прочесть несколько серьезных книг или хотя бы подложные популярные брошюры. Приходится пожалеть о том, что главные, пользующиеся международной известностью, книги наилучше осведомленных анархистов не имеются в продаже в виде собраний сочинений, переведенных на все главные языки. Должны или хотя бы подложные книги было бы достаточно для первого ознакомления. При нынешнем же положении вещей большая часть старых переводов распродана и многие из числа лучших из

них уже не переведаются, а издания на английском и русском языках немногочисленны или мало доступны. Однако, на протяжении многих лет недостатка в анархической литературе не было, как же было недостатка и в издательских центрах, где ее можно было легко приобрести. Там же можно было получить сведения о более редких изданиях.

Этот вопрос важен, по моему мнению. Ибо существует, как это вполне очевидно, анархическая литература очень различного характера и ценности. Различны также лекторы, ораторы, отдельные товарищи и целые группы. Существенно важно, чтобы люди, впервые обращающиеся к изучению анархизма, а также сочувствующие ему, имели бы непосредственный доступ к тому, что есть лучшего в анархизме, а таковыми мы считаем замечательные труды Бакунина, Малатесты, Реклю, Кропоткина, Вольтеррины де-Клер и некоторых других. Иначе всякого рода ошибки и недоразумения могут толкнуть их на ~~блуждающий~~ путь. То же самое, конечно, происходит, когда люди принимают за изучать любой другой предмет: каждый исследователь ищет наилучшей информации из наилучших источников. Очень многие анархические литературные произведения могут быть до некоторой степени полезны лишь тем, кто знаком с вопросом и с условиями, при которых та или иная брошюра была написана, случайный же читатель не может пользоваться такой литературой и может сделать ошибочный вывод и даже потерять охоту к дальнейшему изучению. Очень многие товарищи уразумевают анархизм, читая одно из следующих классических произведений: Кропоткина, «Призыв к молодежи», Бакунина — «Бог и Государство», — Реклю — «Эволюция и Революция», — Малатесты, «Разговор рабочих», одну из лекций Вольтеррины и другие выдающиеся книги. Другие товарищи испытали на себе влияние талантливого лектора, или хорошо написанной статьи, или содержательных дискуссий с анархистом. Каждый знает, что деяте-

комый или непривычный предмет требует изучения, изучение же требует системы, а не случайного подбора сведений.

Анархизм не является выгодным делом и не дает тех обещаний, какие дают партии во время выборов. Это — идея честных людей, которые не хотят господствовать, но не хотят и господства над собой. Для большинства людей желание господствовать над другими до сих пор еще является главной целью в жизни. Они хотят видеть всех вокруг себя подчиненными и эксплуатируемыми. Им кажется, что их очередь господствовать тоже придет. Они считают такой порядок вполне правильным, моральным, практическим, многие же никогда не задумываются над ним и раздражаются, что другие встают против него. Они считают таких бунтарей глупцами или преступниками и не питают к ним никакого сочувствия, когда их преследуют и даже когда их убивают. Эти равнодушные люди допустили казнь чикагских анархистов 86 года на виселице, казнь Сакко и Ванцетти на электрическом кресле и много других преступлений, даже не задумываясь над ними, а иногда и поощряя их: «так им и нужно». Многие из таких людей нашли теперь свой идеал в фашизме, который обращает их в полное рабство. Но человечество велико и многообразно, и как раз в эти годы нового рабства многие станут друзьями свободы и прогресса. Именно к таким людям мы и обращаемся. Пусть они хорошенько подумают и тогда они найдут, что их самые глубокие надежды находит себе выражение в том соединении чувства, мысли и действия, которое мыменуем анархизмом.

Это не вопрос рабочего класса, а всего человечества. Анархизм не имеет ничего общего с синдикализмом, а то, что принято называть анархо - синдикализмом, является лишь особой концепцией, которая не удовлетворяет ни требований синдикализма, ни, тем более, требований анархизма. Эта идея носит местный, личный и временный характер, тогда как

анархический дух и его устремления вечны. Чтобы пояснить мой взгляд несколько полнее, я скажу, что синдикализм, правильно понятый, является лишь обновленным тред-юнионизмом, т. е. возвращением к реформистскому, законопослушному, полуполитическому тред-юнионизму, ставшему почти неподвижным и несектабельным, к боевому тред-юнионизму прямого действия, пользующемуся всеми средствами борьбы и верящему в себя, как верили в себя рабочие раннего периода борьбы. Этими методами свирепый капитализм начала 19-го столетия был вынужден до некоторой степени смягчить свою жестокость в обращении с рабочими.

Когда же, однако, тред-юнионизм стал респектабельным, а капитализм, к концу 19-го века, опять стал свирепым и жестоким, синдикализм прямого действия был правильным ответом ему со стороны рабочих. Это новое влияние оказано было анархистами и некоторыми революционными социалистами, в то время как социал-демократы были уже безсильны и, разумеется, явились врагами этого нового синдикализма. В связи с этим, старая мысль о том, что синдикальные организации, объединяющие всех рабочих, должны стать организациями производства и распределения, будущего свободного общества, — эта старая мысль вновь ожила и была названа анархо - синдикализмом. Ее отвергают анархисты, которые считают ее очень близкою «этатизму» (синдикалистское государство) и к диктатуре (захват всей власти синдикальной организацией). Таким образом, возник новый разрыв между анархизмом и анархо - синдикализмом, ибо система анархо - синдикализма не оставляет никакого места для анархизма (разве лишь в том виде, в каком живут теперь индейцы на окраине страны, на специально отведенных для них землях). Между тем, анархисты меньше всего думают о том, чтобы отказаться от своих чаяний в пользу синдикализма, большевизма или другой такой же системы.

Но поскольку идет речь о современ-

ном синдикализме, применяющем прямую борьбу рабочих, анархисты вполне солидарны с ним, ибо прямое действие является одним из самых действительных и наилучше воспитывающих форм анархической тактики. В современной литературе эти факторы редко находят себе правильную оценку. Однако, в писаниях Малатесты и некоторых молодых испанских товарищей все это уже подвергалось очень тщательному разбору. Синдикализм, зачатый и выкормленный анархистами и революционными социалистами сорок лет тому назад, давно уже развился настолько, что сами его сторонники называют его «самодовлеющим». Рассматриваемый как подсобное движение в борьбе рабочих, он, предполагалось, должен был отодвинуться назад в момент победы, а новое общество должно было организоваться самостоятельно. Теперь же синдикализм рассчитывает, что он станет главным организмом нового общества, а этого анархисты не могут признать.

Анархисты не занимаются фабрикацией систем, по двум причинам: было бы большою самонадеянностью считать себя способными правильно предвидеть грядущую эволюцию, а кроме того, было бы оскорблением для наших преемников, если бы мы вздумали навязать им заранее придуманную систему. Когда подобные предсказания встречаются в анархической литературе в форме утопических набросков или теоретических описаний и программ, то они имеют характер личных мнений, и более того. Каждый мыслящий анархист строит свою собственную утопию и перестраивает ее на протяжении всей своей жизни каждый раз, когда он заново ее продумывает. Даже лучшее из того, что сказали наиболее известные анархисты о будущем обществе, о методах и тактике для завоевания его, не является обязательным для анархиста, а рассматривается лишь, как мнение и советы этих писателей, как лучшее из того, что они могли сказать в ту эпоху, когда они жили. Есть, однако, люди, которые могут думать иначе. Мы не можем указать ни одного анархи-

ста, который всегда был бы прав в своих предсказаниях, как не можем указать ни врача, который всегда ставил бы правильный диагноз.

Прежнее деление на школы экономической мысли — мутуализм, индивидуализм, коллективизм и коммунистический анархизм — также являются характерной чертой, которая в наши дни уже потеряла свое значение. Исторически, в высшей степени интересно восстановить в памяти ход развития этих школ. Очень существенно быть с ними знакомыми при чтении либертарных произведений ранней эпохи. Но 45 лет тому назад уже считалось, что эти экономические определения являлись только гипотезами, самое же важное состояло в том, чтобы чувствовать и действовать в качестве анархиста. Многие писанские анархисты и Малатеста высказывали это мнение в то время, но оно не стало преобладающим, ибо слишком многие чувствовали себя счастливыми и полными энтузиазма, считая, что они овладели полнейшей истиной, истиной анархизма с привешенным к нему окончательным и единственным разрешением экономической проблемы. Спустя много времени, если не все, то некоторые из нас почувствовали, что мы обворовываем сами себя, когда исключаем гипотезы инакомыслящих. Поступая так, мы действуем как властители, считающие, что они — единственные обладатели истины. Мы не только хотим распространить свои взгляды среди наших современников, но и стремимся навязать их нашим потомкам. Именно эта мысль заставила меня, приблизительно в 1897 году, отказаться от попыток учить других тому, чего я не мог знать и сам.

Нынешние быстрые перемены в правящем и капиталистическом мире уже не раз создавали и будут создавать непосредственно — революционные положения. И каждый раз, когда мы будем оказываться перед лицом такого положения, действительная жизнь, являясь перед нами во всем своем разнообразии, будет исключать односторонние решения. Только диктату-

ра может их навязать. Если мы будем примыкать к одному решению, то мы не сможем ни осуществить его, раз мы не диктаторы, ни ожидать, что наш пример будет с самого начала всеми оценен и вызовет подражание. Отстаивая одностороннее решение, мы всегда будем оставаться в одиночестве. Мы всегда должны помнить, что наибольшее совершенство достигается в конце, а не в начале всякого развития. С первых шагов можно осуществить не индивидуалистический, коллективистический или коммунистический анархизм, а лишь то, что я назвал бы народным анархизмом, т. е. местный продукт, порождаемый местными возможностями, талантами и доброй волей населения, берущего свои дела в свои собственные руки, удаляющего или изгоняющего власти и паразитов. Именно это и стало делать население во многих испанских деревнях и малых городах, где люди знают друг друга и где каждый практический вопрос может быть легко разрешен при помощи здравого смысла. Они называют это «коммунизм - либертарио», подразумевая под этим свободные, солидарные действия в местных пределах (свободные муниципалитеты). Организовавшись, эти местные свободные коммуны входят в дружеские сношения с другими местностями и группами производителей.

Такая новая практика сначала осуществляется в местном масштабе, затем распространяется на другие местности, и тогда принудительный аппарат государства может оказаться недостаточным или может рухнуть, или, наконец, может быть поколеблен выступлением масс в больших странах. Приблизительно таким путем народная анархическая практика может распространиться, и тогда, мы надеемся, здравый смысл и разум либертера сумеют устранить авторитарные и диктаторские извращения. Позднее, либертарный характер новой жизни может быть усовершенствован, — чего, разумеется, нельзя достигнуть путем проведения односторонних неизменных решений в духе мутуализ-

ма, коллективизма или коммунизма, или в духе анархо - синдикального регулирования.

Быстрота разложения капитализма и те положения, которые могут возникнуть, когда падут фашистские захватчики, выдвигают необходимость для нас иметь постоянно в виду, что те социальные события, которые могут за ним последовать, могут снова привести к возрождению авторитарного начала. В Испании такие события могут привести к тем формам жизни, которые описаны выше, но в других странах, где либертарный дух мало развит в народе, власть может возродиться.

Анархо - синдикализм является не реальностью в такой степени, что ему рассчитывать не на что: либертеры отвергают его, как движение властическое, а властники отвергают его как движение либертарное. Анархисты сами должны теперь отказаться от всякой односторонности и, прежде всего прочего, пробуждать и воспитывать либертарные настроения и опираться либертарную тактику, как необходимую подготовку к либертарным выступлениям.

Как бы ни был беден и унижен человек, все же его умонастроения, результат разума и чувства, создаются им самим, по его собственному желанию. Поэтому не могут найти себе оправдания ни злость и грубость, раболепие и жадность, умышленная лень и равнодушие или отказ от солидарности. Этим я хочу сказать, что ни один человек не должен говорить, будто он не может попытаться развить в себе качества более высокого порядка только потому, что он беден. Очень многие из тех, кто еще беднее, обладают этими качествами и превосходно развивают их.

Анархическое умонастроение означает дух широкого великодушия, а анархическое поведение означает не только бунтарство, но и подлинную доброту. Люди, излучающие такого рода великодушные и прогрессивные побуждения, приносят больше пользы, чем местные, мало известные

группы, хотя бы и проповедующие самые логические теории. Такие люди, а также гуманно настроенные группы могут сделать много путем местной инициативы. Совершенно очевидно, что уже наступило время для усиленной работы в этом направлении, ибо многочисленны теперь люди, убедившиеся, что система передачи власти парламентам только лишает избирателей их собственной силы, заставляет их забывать о том, что они должны действовать сами, а кроме того, заставляет их платить расходы и оплачивать счета за чужие выдумки их доверенных делегатов. Таким образом, местная самодеятельность вновь выдвигается повсюду на первый план. Анархизм должен вырасти из местных корней.

Что еще можно сказать, принимая во внимание, что моя задача состоит в том, чтобы поднять анархизм на высшую ступень, от устаревшей рутины — на уровень течений современной жизни и мысли? У нас наиболее ясные представления об условиях прогрессивного развития, а между тем, мы так мало ими пользуемся. Грядущий век не поймет, почему нам не удалось привлечь к себе внимание мира. Мне пришлось бы заново написать историю наших идей и довести ее до сегодняшнего дня, чтобы показать те многочисленные причины, которыми объясняется это явление. Я даже не коснусь этого вопроса в настоящей статье. Однако, указанные причины не являются возражением против анархизма. Они только показывают, что всякое начало трудно, и что первые начинатели — люди, по необходимости, несовершенные, находящиеся под влиянием наследственности и окружающей среды.

Препятствия упается зачастую преодолеть путем применения силы, но сила насилия этим и ограничивается: новые пути развития должны сами расчистить себе место и не могут быть предвидены, а тем более не могут быть заранее навязаны, ход развития не может быть ускорен по желанию и т. д. Это означает, что область

анархизма, прежде бывшая узкою, не может быть расширена, после устранения препятствий, ни насильственно, ни автоматически. Анархизм будет расти в зависимости от того, чем он был прежде и от сил, от новых источников, средств и т. д., которые он приобрел во время великого переворота и благодаря ему.

Анархизм разовьется, но нельзя, по всей справедливости, ожидать всего сразу, т. е. того, что он получит всеобщее признание. Такой ход развития будет создавать новые положения, которые редко подвергались рассмотрению в подлинно анархическом духе, за исключением лишь поздних статей Малатесты.

Мы питаем величайшие симпатии к рабочему движению, а особенно, к синдикализму. Однако, слиться с синдикализмом мы не можем, как не можем ограничиться связью исключительно с организованным трудом, ибо эти организации даже там, где они отгораживаются от капитализма, никогда не отгораживались достаточно отчетливо от государства и от авторитарного социализма. Организованный труд в целом не обнаружил интереса к какому-либо анархическому идеалу. Анархисты принесли много жертв в пользу рабочего движения, но получили мало симпатий в обмен. Это говорит не в осуждение рабочим, которые делали и делают так много для анархизма. Это касается только лидеров организованного труда, которые, в большинстве случаев, всегда были в душе анти-социалистами и, конечно, анти-анархистами. Даже синдикализм в этом случае ничем по существу от них не отличается, ибо руководящим принципом этого движения является та мысль, что всякое движение вне тред-юнионизма и синдикализма является лишь растратой сил и потому не желательно.

Мы также горячо сочувствуем каждому добровольному усилию, направленному к общественным целям, но мы расходимся в самом основном с авторитарным социализмом, который передает общественное достояние государству или партии, ли-

шая народ доступа к этому достоянию. Социализм оставляет народ в цепях власти, которая коллективна и социалистична лишь по названию. Социализм иногда подает руку даже современному государству, защищает интересы капиталистов против революции и применяет судебную, полицейскую и военную жестокую силу для борьбы с социальными бунтарями. В нем не содержится ни атома солидарности: высылки в африканскую пустыню, сожжение крестьян и расстрелы заключенных в тюрьму и закованных в цепи крестьян, как это было в Казас Вьеас, были одобрены и оправданы социалистами, членами парламента и министрами, включая министра труда в Испании (1932, 1933), а социалистические партии других стран все еще остаются товарищами этой жестокой испанской партии. Эти социалистические жестокости против анархистов в продолжении последних 15 лет, как коммунистов, показали, что государственный социализм авторитарного толка означает для анархистов лишь физическое истребление, и никаких связей при таких условиях быть не может.

В сущности, «анархизм» не что иное, как слово, равнозначное жизни, а то толкование, которое дают ему властники, означает разрушение и смерть. Они бесплодны со своими трактатами и кодексами, параграфами и регламентами, догмами и фанатизмом. Мы же едины с жизнью и природой, искусством и красотой, свободной мыслью и свободной наукой. «Их много — нас мало», но их время приходит к концу, наше же время только начинается.

Но что могут сделать анархисты при теперешних условиях?

Это зависит от положения, в каком они находятся, и от их качеств и способностей в каждой стране и местности. Там, где они действительно многочисленны, даже там, они все еще представляют собой небольшое меньшинство (Малатеста часто употребляет эти выражения). Они готовы все делать для успеха пропаганды, по

первые попытки осуществления задач анархизма удадутся им не иначе, как путем объединения их с народом. Общими силами анархисты и сочувствующие им в каждой данной местности могут попытаться осуществить тот народный анархизм, какой я описал выше.

Но все это лишь исключительные случаи. Они стоили многих жертв и страданий. Они могут умножиться путем естественного роста, т. е. путем пропаганды, вызывающей к чаяниям самого народа и побуждающей народ к решительным действиям.

Мы повсюду далеки еще даже от этих начальных шагов. Мы должны откровенно признать это положение, не обольщая себя пустыми словами, которые мы не можем превратить в массовое действие. Мы не должны воображать, что каким-то образом, через анархо-синдикализм, мы подчиним себе рабочее движение, или что каким-то способом народ самопроизвольно восстанет во имя анархического коммунизма, или что после падения фашизма, наследником его будет анархизм. Нет, мы должны лишь усиленно стремиться к расширению движения, к усилению нашей пропаганды, возвышаясь над односторонностью, догматизмом, рутинной и предразсудками. Мы должны значительно улучшить большинство анархических газет и изданий, которые лишены жизни и не способны к успеху, ибо они заполняются случайным содержанием, при содействии случайных сотрудников, которые стараются делать, вне всякого сомнения, все от них зависящее, но которые не всегда достигают высокого уровня.

Мы должны помнить, что усилия людей, подобных Кропоткину, Малатесте, Гильому и некоторым другим, были огромны в деле завоевания успеха для их газет. В сущности, наиболее знаменитые книги Кропоткина, как, например, «Речи бунтовщика» и «Хлеб и воля», представляют собой не что иное, как статьи, написанные для газет «Револьта», и «Револьт». Эти статьи, будучи чрезвычайно увлекатель-

тельно написаны, были частью плана, успешной разработкой по частям одного и того же вопроса. Из этих статей и получились позднее главы хорошо координированной книги. То, что писал Малатеста, было, обыкновенно, просто изложено и не требовало поправок, ибо в его писаниях не было ни одного лишнего слова и все было ясно продумано от начала до конца. То, что дал нам Реклю, было прекрасной поэмой в прозе, соединявшей в себе факты, доказательства, этическое чувство и эстетическое очарование. Вильям Моррис, Иоган Мюст, Рикардо Мелла, Федерика Монсели и некоторые другие умели писать, избегая шаблона и давая лишь наилучшее. Не каждый может это делать, но всякое литературное произведение должно стоять на известном уровне, иначе оно не может оказать влияния на читателя, имеющего возможность сравнить наши произведения с действительно хорошей литературой. Я очень хорошо знаю, что скромная, незаметная газета также объединяет воедино группу людей и удовлетворяет много читателей, но в ней нет убеждающей силы, нет вербующей силы.

Я помню время, когда очередные выпуски «Револьте», «Отец Пейнар» и других таких газет в начале 90-х годов прошлого века, в Париже, с нетерпением ожидалась среди рабочих и студентов, литераторов и художников, когда выпуски газеты Морриса «Коммонвилл и лондонского» «Фридом» в 80-х годах, с удовольствием читались от первого до последнего слова. Все это отмечено было талантом, очарованием и старанием, и все было хорошо написано. Мы не можем оживить это прошлое, но мы можем приложить больше усилий, проявить более критическое отношение, больше целеустремленности и основательного изучения во всем, что мы делаем. Иначе мы рискуем, что будем обречены на прозябание как раз в то время, когда жизнь требует от нас величайших усилий.

Так как в настоящее время наша

численность и наши способности ограничены, то мы должны использовать их в наилучшее, наименее указанным путем. Другими словами, мы должны, по моему мнению, распространять либертарную мысль и чувство. Экономические вопросы неотступно стоят теперь перед каждым, но может случиться так, что все будет решено первым попавшимся способом в авторитарном духе, до тех пор, пока либеральное и либертарное настроения не возродятся. Это и есть наша неотложная задача. Сюда же надо отнести и гуманитарное настроение, доброту и великодушные.

Каждый знает в настоящее время, что его обманывают и грабят, но все призывают только к мести, строгости, применению железной метлы и сильной власти, а это приводит людей к фашистским настроениям, а затем и к введению фашизма. Из либерального лагеря бегут. Если мы не хотим и сами покинуть либертарное дело, то мы должны работать над ним теперь самым усиленным образом. Если мы верим в это дело, то должны знать, что это будет не безнадежное восстание против подавляющих авторитарных сил, а начало многообещающего возрождения прогрессивных сил.

Программы, планы преобразования, далеко идущие описания анархического строя — в сущности, ничто при сложившихся ныне условиях, а борьба в большинстве случаев, немыслима. Но либертарная критика и распространение либертарного духа, — вот что требуется от нас в этот час. Такое настроение и такое поведение должны стать всеобщими, глубоко внедриться, вести к разумным и привлекательным проявлениям себя в жизни и деятельности. Тогда создадутся те элементы, которые, при содействии сочувствующих, смогут объединиться для настоящей борьбы.

Так смотрю я на современное положение анархизма. Это объясняет, почему я не думаю, что в этот час требуется общий призыв по данному вопросу или особое изложение наших идей. Ибо я могу

А. А. КАРЕЛИН.

ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Крестьянство возьмет в общее достояние всю землю и помещичий инвентарь. Часть живущего в городах населения, бросится из городов на коммунизированную землю, и число таких лиц будет тем больше, чем больше будет свирепствовать в городах безработица революционного периода, чем дальше затянется организация вольного городского производства.

Уход многих горожан очень опасен для революционного движения. Захватив, вместе с пролетариатом, города, крестьянство отхлынет в деревни. А если туда уйдут еще более или менее значительная часть рабочих, то черные и либеральные сотни, а частью и социал-демократические поддержат агентов старого или вновь об-
явившегося правительства, и дерзость этих

только излагать свои личные взгляды, чувствуя при этом, что товарищи сами должны решать, считают-ли они, что все в порядке, и что остается только продолжать работу так, как она ведется уже много лет, или что более значительные усилия должны быть приложены, и, наконец, нуж-но-ли эти усилия приложить в том направлении, какое предлагаю я, или в других направлениях. Я могу оказаться в полном одиночестве со своими мнениями (хотя абсолютно изолированным я не являюсь), и тогда вообще бесполезно было бы толковать о чем бы то ни было. Я предлагаю, чтобы товарищи высказали свое мнение по тем пунктам, в которых они рас-
ходятся с моими замечаниями.

Наша задача — лучшая из всех возможных задач, опять повторяю это. Но гораздо больше усилий можно приложить и необходимо приложить, если мы хотим, чтобы наше дело сохранило и укрепило за собой свое место в авангарде прогрессивной эволюции.

М. НЕТТЛАУ.

12-ое Июня 1933 г.

людей возрастет пропорционально отливу из городов рабочего населения.

А раз город будет захвачен сторонниками частной собственности или сторонниками власти, раз крестьянство лишится этих центров, к которым оно будет тяготеть в революционный период, раз города дадут врагам народа возможность свить в своих стенах крепкие гнезда, — дело революции, даже в лучшем случае — будет отсрочено.

Нельзя закрывать глаза на эту опасность. Необходимо, чтобы городская жизнь была привлекательна для горожан; и для того, чтобы значительная часть их не бросилась в деревни, надо, чтобы пролетариат сбросил с себя иго капиталистов и сам организовал распределение и производство продуктов. Надо будет тотчас-же равномерно распределять квартиры между всеми жителями города.

Здесь уместно и следующее практическое замечание. Все присутственные места, в которых чиновники чувствуют себя в привычной обстановке, все эти места, к которым будут тянуться наши враги, должны быть заняты учреждениями (союзами) и квартирами рабочих, которые, вооружась с головы до ног, превратят все эти помещения (в том числе казармы и участки) в малейшие крепости. Таким путем будут уничтожены те центрики, к которым всегда тяготеют явные и тайные реакционеры.

Горожане должны будут поделить между собою пищу, одежду, обувь, мебель, — многое из того, что находится в товарных складах и магазинах.

Рабочим придется поголовно вооружиться и не допускать появления новых правителей (хотя бы и социалистических), опирающихся на скопища наемных или на-
вербованных убийц, солдат, судей, палачей, полицейских, генералов.

Не милиция, не ополчение, а поголов-

но вооруженный народ — вот что является опорой для завоеваний социальной революции.

Рабочие все чаще и чаще высказываются за необходимость раздела квартир и товаров. Это и понятно. Все произведено трудящимися и все должно быть возвращено им. Помимо этого, энергично защищать можно только настоящие завоевания, а не обещания, хотя бы и «социалистического» правительства. Вот почему, не говоря уже о справедливости, необходимо тотчас же поднять благосостояние обездоленных. После раздела квартир и товаров, даже женщины окажут отчаянное сопротивление, зная, что победа врагов поведет за собой обратный переход в тесные и грязные логвища, переобедание в старое рванье. Каждому бедняку будет, что защищать, даже тем из них, кто не дорожит до понимания выгод от перехода капитала в общественное достояние.

Более или менее значительная часть продуктов прямого потребления будет разобрана восставшими прежде, чем они успеют организовать для уравнительного распределения этих продуктов. В самом начале движения восставший народ должен выставить требование, чтобы никто не брал из этих продуктов больше того, что ему лично нужно, не «скопляя богатства». Насколько возможно сразу же надо помешать чрезмерным захватам, тем более, что революционным временем постараться воспользоваться и наиболее дерзкие эксплуататоры. Надо, как можно скорее, организовать распределение на началах уравнилельности.

Сходам кварталов (иногда несколькими вместе) придется при первой же возможности заняться распределением продуктов личного потребления. Несколько позднее, горожане устранят резкие неравенства первоначальных захватов (хотя бы выдавая захватчикам меньше продуктов из общественных складов), но понятно, что, чем скорее организуется уравнилельное распределение тем лучше. Организация распределения нужна, между прочим, и потому, что во многих городах запасы съестных

припасов и топлива незначительны. Все эти продукты придется доставать у крестьян и иногороднего населения, а эти производители откажутся даром давать, что либо городу, и в самом начале потребуют в обмен за свои продукты разные товары. А так как вольное производство может наладиться не сразу, то хорошо было бы оставить в складах не распределяя между горожанами, хотя бы половину изделий, необходимых крестьянам и иногородним. В первую очередь придется сохранить изделия, чаще всего требуемые крестьянами.

Будет очень неумно, если у отдельных горожан окажется по пяти пар сапог, по четыре шубы, и нельзя будет достать хлеба для взрослых и молока для детей; будет очень неумно, если каждому горожанину в отдельности придется вести торг с крестьянами. Необходимо уничтожить то могучее орудие угнетения и реакции, которое называется спиртом. В первые же дни социальной революции отряды революционеров должны будут уничтожить оборудование водочных заводов, переделать их здания на квартиры или на ремесленные мастерские; уничтожить, разлить все крепкие напитки.

Спирт можно выделять только для технических и медицинских целей.

В силу железной необходимости, восставшим придется организовать производство разных продуктов. Восставшим горожанам придется устроиться так, чтобы не перемереть с голода, тем более, что борьба со сторонниками собственности и власти может затянуться.

В силу необходимости, рабочим придется овладеть складами хлеба, как печеного, так и в муке и зерне; складами всех без исключения съестных припасов, захватить мельницы, пекарни, булочные, скотобойни, организовать приготовление печеного хлеба и убой скота. Придется открыть лавки для распределения этих продуктов.

Очень возможно, что поднявшимся революцию рабочим придется начать с того, чем кончили восставшие парижские рабочие в 1871 году, что делали лондонские

грузинки во время своей знаменитой стачки и что не редко делают теперь бастующие французские рабочие, т. е. придется устроить общие обеды.

Придется выделывать оружие, порох, все то, что необходимо для того, чтобы восставшие не остались с пустыми руками перед вооруженным врагом. Необходимо будет пустить в ход почту, телеграф, железные дороги...

Понятно, что захваченных в городах естественных припасов хватит только на короткое время. Хлеб, картофель, молоко, яйца, мясо и пр. и пр. надо будет доставлять в деревнях, и крестьяне повежут все это в города только в том случае, если в обмен за сельские продукты им будут даны городские изделия — ситец, сапоги, железные орудия и пр. Горожанам не придется даже ждать привоза крестьянских продуктов: во многих случаях города откроют лавки со своими продуктами в селах и будут выменивать, а в первое время и покупать естественные припасы.

Так как в городах нет больше запасов, нужных для крестьян, то придется сразу же (чем раньше, тем лучше) открыть все те фабрики и заводы, на которых выделяются такие изделия.

Нечего и говорить, что для крестьян будут приготовляться и не доступные для них в настоящее время продукты. Придется, следовательно, захватить необходимые для такой работы склады материалов и инструментов.

А так как придется захватить и склады предметов личного потребления, то в результате будут захвачены склады всех товаров. (Очень мелкие, не имеющие прикачиков, лавки можно и не трогать).

Необходимо овладеть деньгами казначейств и банков. Придется последовать заповедному совету Энгельса, данному по адресу коммунаров 1871 г., данному в то время, когда от Парижской Коммуны остались только воспоминания.

Захватив, в силу железной необходимости, часть капитала, восставший народ не будет иметь оснований остановиться и перед захватом всех капиталов, которые в

силу справедливости, принадлежат всему обществу и на которые не имеют морального права их собственники.

Нютокок капитализма увяз—всей этой хищной птице пропасть.

Мало всего сказанного: нет сомнения, что предприниматели не захотят открыть свои фабрики пока не будут побеждены рабочие. На стачку они ответят локаутom, между прочим, и потому, что оптовые покупатели не дадут им своих заказов. Это обстоятельство, в свою очередь, повлечет к необходимости организовать производство без хозяев. «Прятать голову, как страус, — пишет П. А. Кропоткин, — жить палюзнями, воображать, что во время революций фабрики будут работать по старому и что к ним будут приливать заказы по старому — просто постыдно. Ничего этого не будет, и общество будет вынуждено взять в свои руки все производство в целом и перестроить его соответственно потребностям всего населения».

Таким образом, еще во время борьбы со сторонниками старого строя, — в силу необходимости, — придется начать работу в очень и очень многих промышленных заведениях. Как только в какой-либо местности будут сломлены вражеские силы, тотчас же надо будет устроить распределение продуктов и открыть для работы фабрики, заводы, мастерские и т. д.

Было бы большой ошибкой утверждать, что одержавшие полную победу рабочие, — русские рабочие, рабочие 20 века, — поставят в каждое предприятие по хозяину и будут передавать последнему прибыль.

Они сами объединенными артелями поведут промышленное дело. Город как целое, организует обмен с крестьянами и инородными. Орудия труда и другие средства производства должны быть тотчас-же объявлены общим достоянием и отряды горожан будут охранять их в течение времени, как от того, чтобы они не погибли от случайных причин (напр., от пожаров), так и от расхищения их эксплуататорами, рассчитывающими, что революционно-коммунистическое движение

будет подавлено.

Все средства производства будут передаваться старшим на работу производителям по мере спроса последних. Передаваться для пользования, а не во владение, не в собственность. Социальная революция тесно связана с экспроприацией. Экспроприацией мы называем «возврат обществу того, что ему принадлежит по праву». Конечно, необходима безусловная полная экспроприация как мелких, так и крупных эксплуататоров.

Если экспроприация не будет произведена, это значит, революция не удалась. Это значит — была пролита кровь и ничего не было сделано. Это значит, что народные массы были безжалостно и безчестно обмануты. Как восстание, так и распределение продуктов и организация производства могут явиться только результатом самостоятельности народных масс.

Крестьянам и рабочим придется самим взяться «за общественное переустройство». Необходима для коренного общественного переустройства самостоятельность народных масс, ныне подавленная государством и капиталом, значительной своей долей находится в скрытом, потенциальном существовании. Только тогда появится она во всей своей силе, когда будет уничтожена мертвящая власть государства и капитала.

Уничтожая институт частной собственности, необходимо уничтожить и правительственную власть. Необходимо не только устранять существующее, необходимо сделать немислмым «революционное» правительство, которое, в конечном счете, только на то и годно, чтобы вырвать из рук народа то, чего он добился революцией.

Любое правительство, в том числе и социал - демократическое, может только убить социальную революцию, подменить самостоятельность народных масс своими приказами.

«Вне анархии нет революции».

Поэтому — раз только появятся дерзкие и наглые люди, которые захотят управлять нами, — то, как бы они ни кричали о том, что они являются выразите-

лями народной воли в силу того, что их выбрали правителями несознательные элементы обшчества, как бы ни называли они себя — членами учредительного собрания, земского собора, парламента, думы, диктаторами и т. п. все равно: на них, на этих воров нашей свободы и нашего счастья, надо будет произвести прямое, открытое вооруженное нападение. Конечно, не демократическая республика, о которой говорит российская социал - демократия, является целью нашей ближайшей революции. Ее цель — вольные города, вольные селения, их вольные союзы. Принудительной власти не должно быть. Производство должно быть общественным, а распределение продуктов придется организовать на коммунистических братских началах.

Ничего путного не выйдет из революции, если отстанется или вновь появится какое бы то ни было правительство, если останется хоть тень власти. Необходима всеобщая забастовка, немедленно переходящая в вооруженное восстание — нападение. Необходимо снимать рабочих, продолжающих работать во время такой забастовки. Придется прибегнуть к революционному саботажу. Надо будет послать к крестьянству послов от пролетариев для призыва крестьян в города. Надо будет послать к крестьянству знающих военное дело людей. Необходимо захватить города. Необходимо равномерное распределение квартир, одежды, пищи.

Необходимо поголовное вооружение народа. Необходимо уничтожить спиртные напитки и сделать невозможным их производство.

Организация производства — на вольных началах явится неизбежной. Все средства производства будут захвачены в общее владение.

Для переустройства общества на вольных и равных началах необходима самостоятельность масс. Необходимо полное уничтожение государства и власти.

Организация вольных городов, селений, их союзов, как цель социальной революции.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

О РЕЖИМЕ СОБСТВЕННОСТИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Противники анархизма и все, кто пользуется существующим социальным строем кричат, что анархия это — уничтожение общественного сожителства, ибо она отрицает собственность, а собственность, это — условие и гарантия свободы.

И хотя их утверждение, что анархисты хотят разрушить всякое общественное сожителство — ложно и ни на чем не основано, но зато вполне правильно их утверждение, что «собственность есть условие и гарантия свободы». Ибо именно анархизм всегда утверждал и настаивал, что кто беден, тот — раб, и что невозможно говорить о свободе, пока существует нищета.

В чех анархисты расходятся с защитниками существующего строя и вообще с государственниками это в вопросе о формах собственности. Анархисты отрицают собственность капиталистическую, частную и государственную, — собственность дающую возможность отдельным личностям и группам жить за счет труда других и, следовательно, предполагает существование обездоленных, не имеющих собственности и вынужденных продавать свою работу владеющим этой собственностью за ценность более низкую, чем ее действительная стоимость.

И в действительности так оно и есть сейчас во всех странах мира, где большие человеческие массы для того, чтобы не умереть с голоду — вынуждены пропашивать и вымалывать работу у тех, кто захватили и монополизировали землю и орудия труда. А если уже и достают работу, то она вознаграждается так не много и так ничтожно, что еле-еле хватает работающим, чтобы не умереть с голоду. И именно это ненормальное распределение богатств и есть одно из главных зол существующего общества, ибо осуждает на унижение, физические и материальные страдания и моральную дегенерацию, громадную часть человечества во имя ма-

териального благосостояния отдельных личностей и групп.

Чтобы все были свободны, чтобы каждый человек мог свободно достигнуть максимального развития своей личности и мог-бы пользоваться всеми теми благами, которые природа, способности, умственный и ручной труд могут дать ему, — необходимо, чтобы все были собственниками, чтобы все имели право на землю, сырье и орудия труда, чтобы иметь возможность производить без необходимости давать себя эксплуатировать и угнетать. А для этого неизбежно одно из двух условий: или чтобы все было собственностью всех, или чтобы не существовало собственности вообще.

**

Создание новых форм владения и собственности, будет, следовательно, задачей ближайших революций. Вопрос о режиме собственности неизбежно станет с первого же момента свержения власти и уничтожения частной и государственной собственности. И на эту работу перераспределения богатств и орудий труда, анархисты должны будут обратить должное внимание с первого же момента социальной революции. Тем паче, что трудно ожидать и невозможно надеяться на возможность перескочить сразу от современной системы собственности к системам новым, совершенным и безупречным. Ибо в момент революции, когда необходимо будет действовать спешно и удовлетворять немедленно же неотложные потребности населения, — ясно, что будет делаться только то, что будет возможно и в зависимости от сознания идейной и духовной подготовки и воли всех заинтересованных, и тех условий, которые будут существовать и, в действительности, определять и ограничивать эти воли. Воли отдельных людей и идеологических группировок будут иметь свое, но относительное значение. Что особенно важно будет в этот момент,

это иметь с самого же начала ясную идею о том, чего хотят, к чему стремятся и что необходимо делать, чтобы начатое общественное и социальное движение было как можно ближе к намеченной цели, и чтобы каждый в отдельности и все люди вместе работали и действовали для осуществления всеобщего довольства и всеобщей свободы.

Поэтому же так часто ведутся в среде анархистов дискуссии о будущих формах собственности. Одни настаивают и предвидят, что собственность должна будет быть индивидуальной, другие считают, что собственность неизбежно должна будет быть коллективной.

Одни думают, что коллективная собственность будет неделимой, всеобщей, другие, что она будет смешанной; а еще другие, — что она будет интериндивидуальной. Одни считают, что первичные ячейки и группы будут практического характера, другие, что они будут идеологически и этически связанными, а третьи, что семейного или группового характера. А еще другие думают, что они будут вмещать в себя целые народы, а затем и все человечество.

Не менее сложен вопрос о формах, какие примет производство и обмен. Одни верят, что восторжествуют коммунистические формы производства и распределения на принципе производства сообща и распределения продуктов согласно потребности каждого. Другие — что владение будет индивидуальное и что каждый будет производить индивидуальными средствами и пользоваться интегральным продуктом своего труда. Третьи, что владение будет коллективное, а распределение — индивидуальное. Четвертые, что формы эти будут смешанные и разнообразные, в зависимости от индивидуальных интересов каждой группы и более или менее развитого социального инстинкта и опыта каждого человека.

Но скорее всего будут испробованы одновременно и в одних и тех же или разных местностях все возможные формы и способы владения и использования средств производства и всевозможные способы и

методы распределения добытых и произведенных продуктов. И все эти разные способы формы и методы будут переплетаться, перекрещиваться и связываться между собой различным образом, пока практика и опыт не научат и не докажут какие из этих форм владения, производства и распределения наилучшие.

А до тех пор необходимость продолжать производство и невозможность приостановить потребление предметов первой необходимости сделают необходимым временные соглашения для продолжения общественной жизни, по мере того, как будет производиться экспроприация капиталистов и государства.

Будет, понятно, совершенно не мало ошибок, и многие, понятно, захотят воспользоваться этим периодом исканий и экспериментирования для своих личных и групповых интересов. Но все это будет неважно и изживется, если не будет допущено создание и укрепление новых привилегий, ни навязывание отдельных, личных мнений всему населению. Не меньшая опасность для народного дела будет создание единого регулирующего плана и единого центра действия или управления.

Пока будет существовать свобода экспериментирования и инициативы, революция будет полезной для социального и общественного переустройства.

**

Но какую или какие формы считают лучшими анархисты и какие предлагают они для лучшего сожительства людей?

Многие анархисты называют себя анархистами — коммунистами потому, что анархический коммунизм им кажется идеалом, к которому человечество придет по мере того, как будут расти любовь между людьми и изобилие производства избавит их от боязни голода и разрушит, таким образом, главное препятствие к братскому сожительствованию между собой. Другие называют себя анархистами — индивидуалистами, потому что считают, что сознание и меж-индивидуальные связи — лучшая база для свободного и довольного сожительства. Еще другие — анархис-

тами — коллективистами или анархистами-ассоциационистами, в зависимости от экономических положений, которые они кладут в основу сожительства. Не малая часть называют себя просто анархистами, считая, что на анархической базе смогут и должны будут сосуществовать разные или даже смешанные и многообразные формы экономических и производственных взаимоотношений и т. д.

Но больше чем эти практические формы экономической организации общества, которые неизбежно должны будут приспосабливаться к обстоятельствам, и будут всегда в беспрерывной эволюции, — для анархистов важен дух, который будет воодушевлять эти организации и методы, с которыми будут к ним подходить; будет важно, чтобы люди были руководимы духом справедливости и желания всеобщего благосостояния и чтобы к этому приходили свободно и добровольно.

Ибо, если имеется свобода и дух братства, все формы общности ведут к одной и той же человеческой эмансипации и возвышению личности и всегда кончат примирением и слиянием. Если же нет свободы и стремления к благу всех людей, — все формы общественной организации могут содержать в себе несправедливость, эксплуатацию и деспотизм.

**

Фундаментальных, экономических систем, предлагаемых сейчас анархистами разных философских и экономических течений — четыре: индивидуалистическая система владения и распределения; коммунистическая форма владения и распределения; коллективистическая и анархическая, т. е. смешанная, вмещающая в себе все формы экономического сожительства без эксплуатации и принуждения.

**

Коллективистическая система состоит в том, что все естественные богатства, все орудия производства находятся в руках общества или коллектива, а распределение производится согласно способностям и производству каждого, или согласно затрачен-

ному времени.

Но как всякая, заранее установленная система, она содержит в себе много недостатков, а главное, как и все другие монистические системы, считает и хочет, чтобы все люди жили, организуясь на коллективистических началах и, неизбежно, становится отрицанием анархического начала в жизни. Ибо если не будет свободы экспериментировать другие системы, — неизбежна будет борьба за право человека организовывать свою жизнь в согласии со своими стремлениями, идеями, темпераментами, условиями среды, природы и развития знаний, науки и техники. Ибо анархизм это — многообразие общественной жизни в противовес однообразным системам других идеологических течений: борьба за право личности на свободное самозпределение и организацию своей жизни на основе свободного договора с другими личностями, в противовес идее подчинения личности интересам государства, церкви, общества, или избранных групп и личностей.

Эти же возражения могут быть приложены также к коммунистическим и индивидуалистическим системам.

**

Индивидуалистическая система состоит в перераспределении всей земли, всех естественных богатств, орудий производства и всех научных и технических накоплений между всеми существующими личностями; дать каждой личности одинаковые возможности и одинаковые права для достижения того положения, которое ему позволили бы его способности и активность. И в первые моменты возможно удалось бы осуществить относительное равенство и индивидуалистическую систему общественного сожительства и экономического сотрудничества.

Но чтобы потом сохранить это относительное равенство, необходимо будет отменить наследственное право и первоначально производить новые переделы, чтобы часть нового, нарождающегося населения не оставалась без всякой собственности.

сти и не была вынуждена продавать свой труд имеющим собственность, что создало бы новую систему неравенства, эксплуатации и принуждения. И индивидуалистическая, экономическая система (вопрос о философских предпосылках индивидуализма сюда не входит) оказалась бы очень не экономной, и была бы далеко не подходящей для наилучшего использования естественных и научных богатств для благосостояния всех людей.

Система исключительно индивидуалистического владения может быть осуществлена, при теперешнем состоянии техники и науки, в небольших аграрных и цеховых общинах. Но будет крайне трудно приложить сейчас в современной технико-аграрной и индустриальной цивилизации, где достаточно большая часть населения, не пользуясь непосредственно землей и инструментами для производства материальных и научных богатств, работает на работах и службах полезных и нужных для всех.

Помимо того, что трудно будет разделить землю, все индустриальные и общественные предприятия, установить ценность вещей и практиковать обмен, не впадая в несправедливость, конкуренцию и барыньничество, индивидуальное владение естественными богатствами и орудиями труда несет в себе опасность вырождения в новую возможность накопления богатств, капитализма, эксплуатации и принуждения.

Правда, прогресс науки и техники ведет к уравниванию производительности в различных условиях: развитие техники, особенно электротехники и авиации, ведет к тому, что все местности будут в одинаково выгодном экономическом положении: электричество, радио и беспроволочная передача звуков, видов и энергии децентрализуют производство и сделают доступной машинную работу для самых изолированных личностей и небольших групп; наука сделает возможной фабрикуцию любого синтетического сырья, необходимого для производства в любой территории.

Наконец, прогресс в человеческих взаимоотношениях дойдет до того, что вопрос о собственности и владении потеряет силу и значение, какое он имеет до сих пор и возрастающие чувства братства и солидарности сделают ненужным и даже постыдным всякие мелкие вычисления о том, что принадлежит одному и что принадлежит другому, и все будет собственностью всех.

Но тогда все теперешние формы и системы собственности и владения будут излишними и ненужными. И вопрос о формах собственности в человеческих взаимоотношениях отпадет вообще.

Но для ближайшего будущего необходима будет какая-нибудь форма владения, и экономический индивидуализм привел бы неизбежно к восстановлению уничтоженных привилегий, если он не будет смягчен своего рода добровольной ассоциацией и кооперацией. Ибо если люди не организуют своих взаимоотношений добровольно для пользы всех, она будет организована силой отдельных более принципальных и авантюристических лиц и групп в интересах отдельных господствующих групп.

**

Анархический коммунизм теоретически представляет себе идеальной системой, которая заменит в человеческих взаимоотношениях борьбу — солидарностью, которая лучше всего сможет использовать природные силы и человеческую работу и сделает из человечества одну большую семью братьев, готовых всегда помогать друг другу и любить друг друга.

Но анархисты — коммунисты хорошо знают, что всемирный коммунизм, то есть одна единственная община между всеми людьми всей земли, есть стремление, — маяк к которому можно стремиться, но сейчас полностью трудно осуществимое. Сейчас возможен только коммунизм местный, между ближайшими поселениями, которые уже устанавливают взаимоотношения между собой. Но даже и в этих границах неизбежно выплывает возможность ана-

гонизма и борьбы между коммунизмом и свободой.

Ибо анархический коммунизм, как конкретная форма экономической организации, так же как и экономический индивидуализм, основанный на анархическом начале, — невозможен, если ему не предшествуют сознание и стремление в людях жить сознательно в братстве, свободе, любви и солидарности.

Чтобы организовать анархическое коммунистическое общество в большом масштабе, необходимо было бы радикально изменить всю экономическую жизнь, все способы производства, обмена и потребления, а, главное, необходимо было бы радикальное изменение в идеях, в понятиях и в моральных взглядах людей. А это возможно сделать только постепенно, по мере того, как изменятся объективные условия и людские массы поймут выгоды такого сожителства и научатся жить свободно и независимо и снабжать себя сами, не прибегая к посредникам.

Но если бы анархисты — коммунисты захотели и смогли создать коммунистическое общество в большом масштабе одним ударом, по воле какойнибудь группы или партии, навязали бы эти новые формы взаимоотношений силой, — людские массы, привыкшие к послушанию, подчинению и служению, приняли бы эти новые формы жизни, как новые законы, навязанные новыми правителями, и терпели бы этот новый режим, но не практиковали бы его свободно и добровольно, и ожидали бы, чтобы эти новые власти предписали им что делать, как производить и как жить. Изменились бы формы власти, владения, производства и потребления, но сущность осталась бы та же самая: привилегии и насилие сверху, нищета и подчинение снизу.

Ибо новая власть, хотя и именуясь анархической или коммунистической, будет бессильна удовлетворить все бесконечно разнообразные потребности и желания людей, и не будет иметь другого выхода, как одно из двух: или предоставить самим

заинтересованным людским массам свободно жить и действовать как захотят и смогут, или возсоздать вновь Государство.

Но никакое государство еще не решилось добровольно от своих привилегий и власти. И, как всякое государство, будет основано на военной и полицейской силе, и не сделает ничего другого, как заменить одних хозяев другими и одну форму эксплуатации другой, еще более ужасной. Под предлогом, и даже с честным намерением, переустроить мир новым, анархическим или коммунистическим, евангелием, новые власти захотят навязать всем людям единый регламент жизни и единое правило поведения; упразднят свободу действия и мысли и сделают невозможной всякую свободную инициативу, чем, неизбежно, создадут расстройство и паралич производства, подпольную и спекулятивную коммерцию; возродят надменную и подкупную бюрократию, создадут всеобщую нищету, и, в конце концов, возврат, более или менее полный, к тем же условиям эксплуатации и угнетения, которые анархисты хотят уничтожить.

Опыт России этому неоспоримое доказательство.

Анархическая форма экономического сожителства есть система свободного объединения отдельных личностей, групп и коллективов и даже целых обществ на имя же самими практически вырабатываемых начал, которые могут быть индивидуалистические, коммунистические, коллективистические, интер-индивидуалистические, ассоциационные, кооперативные или какие бы то ни было другие. Всегда, понятно, если эти системы будут плодами естественной свободной эволюции.

Ибо человеческие общества для того, чтобы они стали обществами свободных людей, которые объединенно работают для блага всех людей, а не десятинами или монастырями, которые должны будут держаться на религиозных предрассудках или грубой физической силе, не могут быть созданными искусственными одного челове-

ка или одной секты, а должны быть результатом стремлений, воли и активности, хоть часто и не совпадающих, всех членов этих обществ, которые практически, при помощи опыта, ищут и отыскивают те учреждения, которые в данный момент наилучше приложимы к жизни и их развивают и изменяют по мере того, как меняются обстоятельства жизни и стремления людей.

При анархической форме экономического сожительства, можно предпочитать индивидуализм, коммунизм, коллективизм, интер-индивидуализм, ассоциационизм или любую другую воображаемую экономическую систему и работать словом и примером для их осуществления. Но нужно всегда помнить, что не так важна экономическая система, как ее моральная и этическая база. А главное, необходимо не претендовать, чтобы какая-нибудь из этих систем стала системой единственной и непогрешимой, хорошей для всех людей во всех местах и во все времена. Чтобы осуществление этих систем совершилось при помощи убеждения и практических приложений, которые убеждали бы людей фактами в превосходстве той или иной экономической системы. И чтобы их осуществление и практическое приложение в жизни сделало возможным обеспечение всем людям средств быть материально обеспеченными и свободными.

Приверженцы анархической формы экономической системы считают, что неизбежно будут приложены на практике многообразные экономические системы, и, поэтому считают, что как только будет

свергнуто или сделано бессильным правительство и подорваны государственные и капиталистические устои общества, необходимо будет, чтобы весь народ и, особенно, люди с инициативой и с организационными способностями позаботились об удовлетворении немедленных потребностей людей одной местности и готовили бы будущее, разрушая привилегии и вредные учреждения, улучшая функционирование полезных. Подготавливали и обучали бы население самим организовать свою общественную жизнь, улучшать ее и создавать по мере надобности новые формы взаимной связи с другими общинами, личностями и коллективами.

В этой идейной и практической работе по подготовке людей и в практическом создании новых форм общественного сожительства, анархисты всегда будут в первых рядах и самыми смелыми и решительными ее пропагандистами, строителями и творцами.

На анархистах же будет лежать миссия быть зоркими хранителями свободы и защищать ее вместе с народными массами от искателей власти любой окраски и масти и против возможной тирании меньшинств и большинства.

Ибо анархия это — свобода свобод и право человека на жизнь и полнейшее развитие своей личности. Поэтому где свобода, там Анархия, где же насилие и принуждение — там рабство, власть и тирания.

АНАТОЛИИ ГОРЕЛИК.

Буэнос Айрес, август 1933 г.

Ф. ЭРТЕР.

РЕЛИГИЯ

Каждый человек, думающий о цели своего бытия, стремится проникнуть по ту сторону сущности неизвестных ему сил вселенной, проявления которых он хотя и чувствует и переживает, но своим мышлением не может их объять; он воплощен не удержимым стремлением к совершенству и гармонии и желает уяснить себе те тайные нити и соотношения, которые соединяют его с космосом, со вселенной. В зависимости от большей или меньшей интеллигентности укладываются его пережитые представления в определенное отношение к общей картине мира, создаваемой его воображением. Это глубокое, внутреннее стремление к совершенству и гармонии одни называют любовью, другие порывом к свободе или справедливости, но есть и такие — а их наверное большинство, — которые определяют религией. Все, что прекрасно и благородно обязано своим происхождением этому стремлению. Но то, что в настоящее время преподносится людям под именем «религии», мало с ним имеет общего или совсем ничего не имеет.

Издавна существуют люди, которые в ложном смысле истолковывают религиозное чувство, присущее даже наивнейшему дикарю, и стремятся использовать его для своих эгоистических целей.

Таким образом современные священники и религиозные проповедники особенно утешают народ в его страданиях на этой земле сомнительным уверением на счастливую загробную жизнь и всячески внушают ему чувство покорности перед властью, данной, якобы от бога. И в действительности нет преступлений правителей, которые не совершались бы именем религии. Я далек от мысли унижить великое достоинство христианской мысли, заключающейся в любви к ближнему, но современное патентованное христианство придает этому лишь второстепенное и не-большое значение. Как во всех духов-

ных направлениях мысли явится фактом, что теории их в течение времени превращаются в мертвую догму, сила которой должна сохраниться на долгое время, так и современные представители христианской веры с таким рвением противодействуют новым научным изысканиям, что поистине недостойно их высокому званью.

Правда, те времена уже давно прошли, когда священники напрягали силы насильно перевести стрелку мировых часов в обратную сторону, когда каждое самостоятельное мышление с головой предавалось пиквициционному трибуналу или костру, но тем не менее церковь все еще продолжает оказывать довольно сильное и гнетущее влияние на духовную жизнь народов. Особенно интенсивно она нападает на современную науку естествознания, так как логическая последовательность ее неоспоримых аргументов угрожает снести обветшалые остатки средневековых догм и шатких символов веры.

Если я, как современный человек, придерживаюсь учения естествознания и вселенную с ее жизненными явлениями уяснил себе, как результат постепенного развития, и если далее я постиг, что в развитии необходимо познать определенную цель, как влечение к все большему единству и совершенству, то этим самым я достиг известного уровня, дающего мне прочную опору. Моя этика тогда будет заключаться в том: поддерживать всей душой все то «доброе», что содействует развитию и гармонии и резко выступать против всего «злого», что пожелало-бы стеснять, или препятствовать этому развитию. Христианская религия, считая человеческое тело греховным и совершенно игнорируя материю, питает отвращение ко всякого рода чувствительности, ко всем радостям жизни и в особенности к половой любви. Логической последовательностью такого взгляда было бы постепенное умерщвление тела и прекращение человеческо-

го рода. К счастью, подобное стремление, фанатично проводимое все время ревностными служителями церкви, разбиравшись о здоровую природу человека и не воспринималось массами. При этом и не могу не воспользоваться случаем не упомянуть, что дух и матерно, душу и тело я считают равнозначущими и отвергаю всякую переоценку одного понятия за счет другого. Монизм лежит именно в гармонии обоих факторов, связанных между собою настолько тесно, что признаки различия их порой совершенно ступшевываются. Все то, что не подтверждается опытом и не может быть удостоверено логическими данными, все то, что ускользает от контроля нашего знания, но все же претендует на звание истины, основано на более или менее слепой вере.

Можно, конечно, с грехом пополам заключать предполагаемое будущее на основании прошлого и настоящего так, чтобы наскоро набросанная картина действительно соответствовала бы будущему, но утверждать, что эта вероятность будет отвечать истине во всех ее деталях — предсказать это с абсолютной уверенностью нельзя. Помочь преодолеть это сомнение должна, именно, вера. Даже наши гордые упования на конечное освобождение основаны в значительной мере на вере. Пусть же эта вера, идущая на встречу глубоким чаяниям человечества и являющаяся логическим продолжением идеи развития, будет настолько сильной и сокрушающей, что захватит всех, кто с нами сердцем и мыслями заодно, вопреки всем страданиям и преследованиям, к чистосердечнейшему проявлению их убеждений. На одно основное заблуждение современного религиозного учения необходимо еще особенно сделать указание, так

как посредством его становится ясным многое другое зло нашей жизни.

Религия ставит наперед, что человек со дня рождения является на свет, якобы греховным и лишь Божьей милостью, посредством суровых предписаний церкви и бичеваний может быть поставлен на путь истинный. Этот взгляд принят как основной принцип государственной и правовой философией.

В противоположность этому учит нас наука естествознания, что человек в течение веков сложился телом и духом из существа низшей стадии развития. Все животное в себе человек еще не окончательно преодолел и недостиг еще полной гармонии и совершенства. По существу своему человек не может быть хорошим или дурным. Лишь после того, как он уяснил себе свое положение по отношению к вселенной, ясно понял значение развития, он находит, исходя из точки зрения высшей этики, масштаб определения, «добра» и «зла». Эта этика, основанная мною выше, не требует наказаний или предписаний, помилования или авторитетного руководства и, меньше всего, угроз или предвещаний. Все эти абстрактные термины не оказывают на людей облагораживающего, воспитательного и улучшающего влияния: это может быть доступно лишь посредством приобретенного свободного мышлением познания.

Я надеюсь, что мне вполне удалось доказать, к каким заблуждениям и злу привела нас в настоящее время извращенная, искаженная религиозность, в основе которой первоначально лежало глубокое человеческое чувство, и думаю, что я вправе утверждать, что то, что теперь преподносится под словом религия, является величайшим злом современного общества

Э. МАЛАТЕСТА.

ВОКРУГ «НАШЕГО» АНАРХИЗМА

Судя по всему тому, что появляется в наших различных периодических изданиях в Италии и вне ее, а равно и по тому материалу, который посылается нам товарищами, и в большинстве случаев не опубликовывается нами либо по недостатку места, либо по чрезвычайной неспособности изложения — судя по всему этому, — говорю я, — создается впечатление, что мы не достигли еще нашей цели — дать ясное понимание всех наших достижений, налагаемых нами на страницах нашего журнала.

И, действительно, есть люди, которые, истолковывая по своему наше сильное тяготение к практическому и действительному духу, полагают, что мы намереваемся «начать процесс ревизии (пересмотра) ценностей теоретического анархизма» — и, в соответствии с своими стремлениями или собственными склонностями — либо бояться, либо надеются на наше отречение, на практике, если не в теории от наших строго-выдержанных анархических понятий.

Они ошибаются в этом. В действительности не думаем, как кто то «подсказал» нам, что есть «противоречие между теорией и практикой».

Наоборот, мы полагаем, что, вообще, теория верна лишь тогда, когда она может быть подтверждена практикой — и что если в данное время и нельзя немедленно осуществить анархию, то это не является слабостью теории, а попросту обусловливается тем, что не все люди анархисты, не имеют еще силы завоевать, по крайней мере, свою собственную свободу и вынуждены к ней уважение.

В общем, мы остаемся непоколебимыми в тех идеалах, которые с момента своего зарождения были душой анархического движения, и нам абсолютно ничего отвергать.

Мы говорим это не для того, чтобы ставить себе это в заслугу, ибо, если мы полагали бы себя иногда сбившим с пути

истины, то мы чувствовали бы необходимость признаться в этом и исправить нашу ошибку. Мы говорим об этом, — ибо это — факт. И всякий знакомый с расхождениями, почти повсюду материалами письменной пропаганды основателя журнала, с большим трудом сумел бы найти хотя бы одно единственное противоречие между тем, что мы говорим сейчас и тем, что мы говорили пятьдесят лет тому назад.

Следовательно, речь идет не о переоценке ценностей нашего учения, а об их развитии и приложении на практике в соответствии с современным положением вещей.

Когда идеи анархизма были еще новинкою, вызывающей удивление и крайнее изумление, когда пропаганда велась лишь во имя отдаленного будущего, и даже самые попытки восстания и, охотно вызываемые и поддерживаемые, судебные тяжбы служили лишь для привлечения общественного внимания (к нашему идеалу) — в целях пропаганды, тогда могла быть достаточной критика современного общества и изложение идеала, к которому стремились. Даже вопросы критики, в сущности, были лишь вопросами о лучших способах пропаганды и подготовки личностей и масс к желательным преобразованиям.

Ныне время уже более созрело. Обстоятельства изменились и все заставляет полагать, что может быть уже очень близко и, во всяком случае, уж не очень далеко, тот момент, когда мы будем иметь возможность и будем вынуждены превратить теорию в факты и доказать, что мы правее других не только превосходством нашего идеала, свободы, но также и потому, что наши идеи и методы наиболее практичны для достижения максимума свободы и благосостояния, возможного при современном уровне цивилизации.

Реакция сама, свирепствующая и дряжащая, поддерживает страну в состоянии

неустойчивого равновесия, открывающая врата и всем надеждам и всем катастрофам. И с минуты на минуту анархисты могут быть призваны показать себя на деле и оказать давление на события — давление, которое вначале не будет, может быть, решающим, но будет тем более сильным, чем крупнее будет количество анархистов, чем выше будут их моральный вес и техническая подготовка.

Следовательно, надо воспользоваться этим переходным периодом, который может быть периодом только спокойной подготовки для возможного накопления материальных и моральных сил для того, чтобы быть готовыми к встрече всяких событий.

Конечно, это факт, и не следует этого упускать из виду, что мы являемся сравнительно незначительным меньшинством и остаемся в таком положении вплоть до той поры, пока смена внешних условий — лучшие экономические условия жизни, большая свобода и т. д. — даст массам возможность лучше понимать нас, а нам практически объяснять нашу работу.

Однако, экономические условия не сумеют улучшиться чувствительным (ощутительным) и стойким образом, а свобода не встанет во истину во весь рост, пока будут в силе система капитализма и государственная опора привилегий. Все же в тот день, когда равновесие будет сорвано в силу событий, когда, в большинстве случаев, вне поля нашей воли, но которые все же существуют и окажут свое воздействие в день, когда вспыхнет революция — мы окажемся, как и теперь, незначительным меньшинством в гуще разнообразных трудящихся сил.

Что же мы будем делать?

Относиться безучастно к движению было бы самоубийством для нашего настоящего и будущего, так как без нашего участия, без участия тех, кто хочет двигать революцию до полного перерождения всей общественной организации, до полного уничтожения всех привилегий и всех властей — революция закончится без су-

щественных изменений, и мы вновь очутились бы в современных условиях. В последующей революции мы, в таком случае, оказались бы все-же незначительным меньшинством, и должны были бы вновь разочароваться в движении, т. е. отречься от самого смысла нашего существования, заключающегося в том, чтобы бороться всегда за уменьшение власти и привилегий, вплоть до момента их полного уничтожения, ибо мы полагаем, что пропаганда и воспитание могут охватить лишь ограниченное количество личностей в данной социальной среде, и что лишь смена окружающих условий сумеет принести с собой моральный подъем целого пласта отдельных личностей.

Что же делать, все же?!

Самим вызвать, если возможно, движение, всячески, всеми силами принять в нем участие, придать ему как можно больше анархическое и равенственное содержание, поддерживать все силы прогресса, защищать лучшее при невозможности достигнуть идеала, всегда, все-же, сохраняя нашу отличительную сущность безвластников, не стремящихся к власти и плохо переносящих захват ее другими.

Между анархистами, скажем лучше, так называемыми анархистами, имеются такие, которые полагают, что, так как масса в настоящий момент не способна еще анархически сорганизоваться и защищать революцию анархическими методами, мы должны были бы сами захватить власть и «силой навязать анархию». (Фраза, как это знают наши читатели, во всей своей грубости была дословно произнесена).

Я не буду долго останавливаться на том, чтобы повторять ту же мысль, что тот, кто верит в воспитательную способность грубой силы и в свободу, созданную и развитую правительствами, может быть кем угодно, может даже быть более прав, чем мы, но только обманывая самого себя и других, он может называть себя анархистом.

Я лишь только укажу, что если и должно быть правительство, то во всяком

случае, это не мы, кто сумел бы стать этим правительством. во-первых, потому что мы в слишком незначительном меньшинстве, во-вторых, мы не обладаем необходимыми качествами, чтобы захватить и сохранить власть, в-третьих, по правде сказать, — даже среди странных товарищей, не найдется, — либо найдется очень мало таких, которые были бы способны стать законником, судьей, жандармом или генералом-убийцей. Возможно, найдутся не которые среди нас, не лучшие, которые по простоте душевной или по причинам, мало достойным, присоединились бы к восторжествовавшей партии и старались бы урвать себе долю из правительственного пирога. Но эти люди стали бы только изменниками делу, которое мы защищаем, они заняли бы такое же положение, как некоторые мнимые анархисты в России, как те социалисты, которые становятся союзниками буржуазии в целях прогресса социализма или же республиканцы, которые переходят в ряды монархистов для

подготовки республики.

В течение революции нужно стараться, чтобы массы захватили землю, орудия труда и все общественные богатства, чтобы они требовали и брали всю свободу, которая им нужна, и организовывали, как сумеют и хотят, производство, товарообмен и всю общественную жизнь в полной независимости от вмешательства правительства.

Нужно бороться со всякой централизацией, чтобы дать всю свободу местным управлениям, нужно препятствовать тому, чтобы использовались остальные массы, которые всегда являются огромным большинством, как помеха стремлениям округов, коммун и групп более передовых.

Мы же для нас самих должны претендовать на наиболее полную автономию и на средства организовать нашу жизнь, согласно нашему миропониманию, силою примеров и очевидною полученных результатов должны стараться увлечь за собою массы.

В битве неравной все дни нашей жизни,
Враги окружили нас тесной стеной;
Но все-же лучезарный Маяк Анархизма
Зовет нас встать против власти земной.
Он светит призывно, он манит тревожно,
Он будит уставшего ночью и днем.
«Свободу оружием убить невозможно,
Идею нельзя уничтожить штыком».
С горячей молитвой и с верой чистой
Мы жизнь расточаем в гигантской борьбе.
«Смерть—лучше неволи», вот клич анархистов.
«Лежать нам в могиле, но не быть в тюрьме».
Убьют, похоронят, как не жил на свете,
Ногами растопчут наш прах палачи.
Но в будущей жизни поймут наши дети
За что так упорно сражались отцы.
Поймут и с любовью возьмут наше знамя
И дело отцов доведут до конца.
Анархия—светоч! в торжественном храме
В грядущем приветствовать будут тебя.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

JEAN GRAVE.

БУДЕМ ОСТЕРЕГАТЬСЯ ЧРЕЗМЕРНОСТЕЙ

Идя в рассуждениях до крайностей — даже, в принципиальных вопросах — часто приходят к абсурду. И это случилось лишний раз с нашими товарищами.

Так, меня упрекают, что, благодаря опубликованию моих «Воспоминаний», был нанесен вред пропаганде, указывая лишний раз на то, что было сделано «во имя Анархии» наемниками полиции или глупцами, которые шли за ними. Глупцы, разве они не так же опасны, как и те, которые делают вред сознательно? Особенно, когда они становятся соучастниками этих последних.

Разве не известно, что все партии имеют свих фарсеров, и что в противном лагере в исключительном фаворе отправка лазутчиков туда, с целью держать в курсе дел и жестов их сторонников и, по мере необходимости, выполнять ту грязную работу, которая должна дискредитировать тех, среди кого они успели пролезть? Что может быть плохого в констатировании того, что — разное, как и другие партии — мы не могли уберечься от этой гадины? Но, если мы и не могли их совершенно устранить, нам удалось, по меньшей мере, разоблачить некоторых из них.

Они принесли вред нашей пропаганде! Это мы, следовательно, являемся жертвами. Они содействовали — благодаря сектанству некоторых из наших товарищей добросовестных, но ограниченных — разрушению нашего движения; это только констатировать факт и такие факты полезно констатировать, чтобы иметь это в виду в нашем будущем действии.

Своими ложными теориями, а, иногда и своими действиями, им удавалось выставлять нас перед неосведомленной публикой в качестве мошенников, сектантов, алчущих крови, воров и сутенеров. Мы разоблачаем их трюки, мы отмежевываемся от них, — разве это не лучшая линия поведения? Поскольку мы констатируем зло, допущенные ошибки, мы, таким образом, предохраняем тех, которые придут в

наше движение, снова повторить то же самое.

Приучить наших товарищей и приемников судить тех, которые будут вступать в их ряды, избегать наших ошибок, которые, под предлогом «что анархист не должен никого судить», допускали этих «нежелательных» делать их грязную работу среди нас, становясь как бы сами их сообщниками, сносая то, что они прикрываются эпитетом анархистов и, очень часто, позволяя приклеивать свое собственное имя сбоку этих стипендиатов полиции или министров внутренних дел. Это одна лавочка, хотя бы, как это иногда и бывает, с ними велась внутренняя борьба.

«Анархисты никого не должны судить!» Вот еще одно извращение рассуждения, когда его под предлогом логичности доводят до крайности. Бог, ты мой! Что же мы все время делаем в течение нашей пропаганды, если это не суждение, — чаще всего недостаточно удачное — тех, о проступках которых мы объявляем, пытаемся дать понять тем, к кому мы обращаемся, что они не освободятся и станут счастливы до тех пор, пока они не сбросят с себя свою опеку и их бесполезные институты?

А в наших повседневных отношениях, не должны ли мы отдавать отчет себе о тех, с кем случай нас сталкивает, если мы не хотим быть обманутыми? Нужно ли нам ограничиваться только одним эпитетом «анархиста»?

«Шпики!» Ну! Да, мы их имели в наших рядах. Немного, но имели, и они достаточно причинили вреда нашему движению, приходя проповедывать буржуазные идеи, маскируясь именем анархизма, чтобы стоило действительно разоблачить их действия и положить предел той работе, которая уже свела с пути наше движение, благодаря апатии тех, которые их допустили, следуя своему ограниченному сектанству.

К тому же, разве не интересно пока-

зать, что чиновники того правительства, которое претендует быть защитником Порядка, Собственности, Морали, проповедают сами невиновенные, кражу, проституцию и сугуберство!

Что касается меня, то я уже почти 50 лет боролся против этих вредных существ и до последнего моего вдоха буду вести борьбу против этой пропаганды, которая действительно — разрушительна.

**

Но перейдем теперь к морали. Когда некоторые, желая оправдать свои аппетиты, нам отвечают: «Нам не нужна буржуазная мораль».

Некоторые доходят до отрицания вообще всякой морали. Но это уже крайние из крайних.

«Буржуазная мораль! сейчас же восклицают. Но ведь и в буржуазной морали не все должно.

Когда она одобряет эксплуатацию масс путем заработной платы фабрикантов, финансистов и торговцев; когда она проповедует подчинение законам, с целью сохранения самой себя; когда она оправдывает коммерсанта, продающего за 100 франков то, что ему стоит 100 су (5 франков), — тогда мы имеем дело с буржуазной моралью и мы имеем основание ее отвергать.

Точно также, когда она оправдывает жертву миллионов жизней, отданных во имя какого то патриотизма. Эта мораль также подлежит уничтожению.

Но, в другом случае, когда это не относится к касте, классу или иерархии, то это не что иное, как проявление эволюции, взятой в ее общем виде.

В то время, как только установились отношения между несколькими человеческими существами, из этого сейчас же устанавливается и мораль, которая может признаваться или отвергаться. Некоторые акты могут быть выгодны только тем, кто их выполняет, не будучи, таким образом, вредными для их соседей; но могут быть акты, которые, наоборот, будут вредны тем, против кого они направлены. Окрестите их каким угодно эпитетом, они все равно будут относиться к морали, ко-

торая таким образом устанавливается или из них вытекает.

Вот, например, когда, для оправдания своих страстей, своего садизма, некоторые называют буржуазной моралью то отвращение, которое вызывают известные сексуальные акты у большей части человечества, то это нужно отличать. Когда оправдывают педерастию, «любовное товарищество», которое, в сущности, не больше, как предлог одолжить на время жену соседа, — и для меня все равно, если все заинтересованы и согласны на это — но, если это нам представляют как анархизм — стой! — это не больше, как дегенераты, с которыми анархизм не имеет ничего общего. Это не что иное, как патологизм.

Но другие идут дальше. Если они этого не проповедают, они это практикуют; они удовлетворяют на мальчиках и девочках свои омерзительные аппетиты. Когда это относится к буржуа, то все единогласно признают это мерзостью, но, если это относится к тому, кто величает себя анархистом, то в отношении его довольно снисходительны и он принят в наших рядах.

«Если бы он сознавал это, то он не попал бы в эту западню» — скажут мне. Это — правда, но он попал... Его первая обязанность должна была бы быть в том, чтобы сказать о тех, которые продолжают его принимать в своих рядах? Они способствуют размножению этой детской проституции. И если меня будут обвинять в буржуазной целомудренности, то я отвечу, что если бы у нас не было старых развратников, то не было бы и молодых. И если находятся идиоты, скрывающие от молодежи акты, которые им позднее придется выполнять, то это открытие, в то же время, должно быть сделано с предосторожностью, и было бы преступлением возбуждать их слишком еще молодую чувствительность.

**

«Стыдливость, — говорят некоторые, — опять эта буржуазная стыдливость!» Всегда очень удобно называть буржуазным

то, что мешает. Бесспорно мораль находилась еще в слишком рудиментарном состоянии на заре человечества; может быть она не относилась к тому, к чему мы ее относим, но она все-таки существовала.

Конечно, наши праотцы зашли не много дальше в лицемерии, опоясав виноградными листьями известные части человеческого тела, — как это воспроизводят художники, — или относя к сквернословью произношение этих частей. Однако существуют различные способы их произношения и некоторые манеры целиком вытекают из распутства и сквернословия, а их нет нужды отрицать, как таковые, под предлогом буржуазной морали.

Когда первобытный человек опоясывался листовым поясом, возможно в нем было столько же кокетства, сколько и стыдливости, но это было начало, которое не было вынуждено им буржуазией, не существовавшей еще в то время. Этот инстинкт расширился в течение этого времени и перешел к нам и я не вижу необходимости возвращаться обратно.

И мне просто становится смешно, когда мне приходится слышать об этом новом дикаре, которого называют юдизмом. Юдизм — хорошо. Что касается меня, то я не вижу никакого неудобства в том, что некоторые люди хотят подражать Адаму и Еве, но чтобы это вошло в жизнь в нашем климате?... Даже и в других климатических условиях, кроме Танти может быть, где говорят в этом отношении климат превосходный, но я там не был и не знаю. Обычно или слишком холодно, или слишком жарко, или приходится остерегаться от чрезмерного холода, или предохранять себя от неудобств чрезмерной жары, песка, насекомых или других неприятных соприкосновений. Мне даже делается страшно после всего сказанного, и нет ли некоторой доли «показного чего» в этом необходимом желании ходить голым, если только это не есть обратное: глупость. Кто знает? Может быть и то и другое.

Возможно мне сейчас же возразят, что, на Огненной Земле, где, в против-

ность ее имени, ледяная температура, натуралисты ходят почти голые. Что возможно, потребуется время, бесспорно, много жертв для достижения, прежде чем люди акклиматизируются. Но я не вижу необходимости преодолевать неудобства — и в отношении холода еще хуже, чем в отношении неудобств — для фантазии, которая не даст мне никакого улучшения. Если иногда, мы находим нашу одежду неудобной, то поищем способ ее улучшить.

Не будем скупиться на слова. Не будем еще раз доходить до крайностей из боязни не впасть в абсурд.

Возьмем противников войны, которые, под предлогом, что не нужно никакого убивать, заявляют одновременно, что не возьмут оружия и во время революции, ссылаясь, что нужно быть логичным с самими собой.

Согласен, что нужно быть логичным самому с собой. Но, если в отношении войны действительно нет никаких оснований, чтобы народы дрались между собой и мы, поэтому, отказываемся принимать в ней участие, то, в отношении революции этих оснований довольно много.

Правители и эксплуататоры нас насилуют, злоупотребляют нашей свободой, лишают нас удовлетворения доли наших потребностей и стремятся держать нас на действительно низшей ступени нашего физического, интеллектуального и морального развития. Нужно ли, чтобы освободиться от всего этого, ждать когда они добровольно откажутся от насилия над нами? Это-то, на что рассчитывают неопроизведенцы. Но уничтожить их средства владения и господства, на это наши эксплуататоры никогда не решаются; они сейчас же откажутся от этого, как только почувствуют, что их авторитет от них ускользает. Ждать же, что люди станут достаточно сознательными и мирно освободятся от этого, — все равно, что ждать пришествия Мессии, так как они всегда будут иметь достаточно средств, чтобы поддерживать несконечность и расчлененность среди нас. Здесь есть одна логика: если мы хотим себя освободить, мы должны противопоста-

вить — когда мы почувствуем себя достаточно сильными — силу, которая одна может дать нам свободу.

Но устраним еще одно заблуждение. Цель революции не в том, чтобы принуждать исполнять наши желания, а уничтожить препятствия, которые мешают людям поступать согласно их убеждениям.

Я уже говорил о воздержании от участия в войне, но оно еще не разрешается отрицанием или утверждением только. Но мне не хочется вновь поднимать тот шум, который возбудила публикация «Декларации шестнадцати». Но перед нами встает другая проблема, несколько схожая с этой. Допустим, что во Франции происходит государственный переворот с целью уничтожения Республики и установления более или менее диктаторской власти. Какую позицию должны занять анархисты в данном случае?

«Сделать революцию», — сейчас же говорят. Но ведь нужно иметь возможность сделать эту революцию. И, если мы не будем закрывать глаз на действительность, то будем ли мы пытаться произвести революцию, будем ли мы достаточно сильны, чтобы мы потом не потерпели поражения в произведении действительно социальной революции, когда мы еще ничего не имеем для производства социальной реорганизации. В действительности же мы только подготовим ужасную реакцию, которая, в продолжении целого века, будет дуть всякую попытку освобождения.

Итак, под предлогом, что все правительства стоят одно другого, должны ли мы скрестить руки?

«Все правительства стоят одно другого!» Да, теоретически и практически же существуют такие, при режиме которых, с некоторым риском быть арестованным, мы можем с ними сражаться и продолжать пропаганду наших идей, тогда как есть и другие, при которых мы рискуем быть совершенно задушенными или отправленными в ссылку. Не считая того, что, пользуясь смутами, которые должны будут послужить причиной их пришествия, узаконное реакционное правительство поста-

рается расстрелять всех наиболее известных пропагандистов революционных идей и сослать всех остальных.

Что же делать? Это тот вопрос, который стоит перед нашими товарищами в Испании, положение которых именно таково, только в обратном смысле, скажут мне, так как у них дело касается не пришествия к власти реакционного правительства, а более либерального. Должны ли они помогать установиться этому новому правительству, или воздержаться?

«В данном случае», — скажут некоторые, — «это нас так же мало касается, как и в другом. Пускай правители дерутся между собой».

Ну, нет, товарищ! Положение здесь совершенно одинаковое, так как здесь так же относится к тому, что важнее: относительная ли терпимость или усиление произвола, рабства и дальше, эксплуатации.

«Тогда зачем же проповедывать воздержание от голосования?»

Просто на том основании, что смена власти путем голосования не несет ничего другого, как переход из одних рук в другие, без изменения способа управления, к чему мы можем отнестись вполне безразлично, тогда как в другом случае, условия совершенно меняются.

Не входя в зависимость от буржуазных партий, мы должны противиться всякой попытке реакции, а, если мы будем достаточно сильны, попытаемся вырвать кое-какие уступки, которые, если и не изменят способа эксплуатации, могут нам облегчить подготовку того будущего общества, о котором мы мечтаем.

Но мы не должны принимать никакого места при новом режиме. Эта мнимая логика, на которую ссылаются, мне очень напоминает два анекдотических случая, о которых я упоминал в моих «Воспоминаниях».

Один «товарищ», о котором я после узнал, что он был шник, отправил мне в Женеву прокламацию для напечатания, которую он рассчитывал тайным образом расклеить. В этой прокламации он чистосердечно извещал, что это правители

изобрели такое множество языков, чтобы лучше обеспечить междоусобную вражду между народами. Он это находил для себя вполне «логичным».

Второй анекдотический случай был с товарищами из Рубо. Они отправили мне стихи, из которых явно было видно, что автор или авторы совершенно не имели представления ни о размере, ни о рифме. Не желая оскорблять товарищей, я им написал, что, как идея, их присылка была не плохим делом, но что они должны все-таки знать, что в поэзии существуют известные правила, которых необходимо придерживаться.

«Правила!» — написали они мне: «разве мы не анархисты? Певали мы на все правила! Если идеи хороши, — ты должен их поместить». Они считали также, что они логичны.

«Но, в таком случае, — скажут мне: что же должно служить признаком того, что мы логичны или мы переступили и выпадем в абсурд?»

Простое чувство, если у вас есть некоторая доля рассудительности. Что же касается случаев, то их слишком много, чтоб можно было придерживаться какой-либо средней; к тому же, средние не что иное, как абстрактные заключения, которые ничему не отвечают определенному. Каждый случай имеет свое заключение и когда вы нашли ваше, взвесьте его последствия, сравните с заключениями ваших товарищей и посмотрите, которое наиболее правильное.

Так, некоторые товарищи достаточно осторожны, но противники революции нам говорят: «убивать — преступление, следовательно, не нужно революции. Пусть каждый живет по-своему. Организуем группы, где каждый будет действовать вполне свободно».

Все это — очень хорошо. Но товарищи забывают, что какую бы мы группу ни организовали, она все-таки будет раз-

виваться в существующем обществе, и если этой группе и удастся освободиться, от до известной степени, относительных и безполных условий, она неизбежно должна будет подчиняться требованиям власти, а в интересах удобства жизни — как бы вы этого ни желали, несколько индустриалистов станут членами общества, — она должна будет подчиняться и эксплуатации торговцев.

Жить свободно в современном обществе — невозможно; по меньшей мере нам приходится жертвовать свободой, а иногда и жизнью. Не все являются героями; да это и не было бы желательно, так как это дало бы только возможность буржуазии избавиться от своих противников в той мере, как только они будут достигать сознательности, т. е. того, что их поставит против современного общества.

Разве только усталость от жизни или решение во что бы то ни стало дать пример. Но это уже выходит за пределы вопроса. И это нам доказывает, что нет ничего абсолютного, так как в данном случае акт, совершенный отдельными личностями, может только раздробить нашу идею, а если он будет совершен большинством, то это приведет к разгрому движения.

«Хорошо, но какие же уступки можно делать в данном случае?»

Кто бы мог установить правило? Все зависит от характера, темперамента, лица, времени, места и ряда других обстоятельств. Каждый должен поступать согласно собственному представлению хорошего и плохого.

Что ясно — что пропагандист, — больше чем всякий другой — должен иметь собственную линию поведения. Конечно, человек не есть совершенство. Может ли кто быть безупречным? Но существуют вещи, от которых пропагандист должен воздержаться, и это все, что я могу сказать.

ЖАН ГРАВ.

А. ФРУМКИН.

АНАРХИСТ ДЖОН МАККАЙ (1864—1933)

Несколько месяцев тому назад в Германии умер, в нужде и одиночестве, неизвестный поэт и теоретический обоснователь индивидуалистического анархизма в Германии — Джон Генри Маккай. С его смертью освободительная борьба вообще и анархизм в особенности потерпели большую потерю.

Маккай родился 6 февраля 1864 года в Гриноке, вблизи Глазго (Шотландия). Он был сыном отца-шотландца и матери-немки. Отец умер, когда маленькому Джону было три года, и мать его привезла в Германию, где он получил свое воспитание. Он посещал университеты Берлина, Кейля и Лейпцига, где изучал историю литературы, искусство и философию. В это время он взялся за писание, и в 1886 году, когда ему было 22 года, он выпустил в свет свое первое произведение «Течения» — сборник лирических стихов. А через год появляется в печати его первая социальная поэма «Арма Парата Фера», в которой сказываются мучительные переживания борца, выступающего в защиту прав угнетенных.

Благодаря, вероятно, тому, что Маккай родился от смешанного брака, он с ранних лет воспитан в себе идеи космополитизма. Дитя двух стран, он, однако, не был привязан ни к одной из них. В его писаниях нет тоски по отчизне—Шотландии, которую он оставил еще ребенком, и хотя он воспитывался в Германии и считался искусным знатоком немецкого языка, он все-таки не был немцем патриотом.

В 1887 году Маккай уезжает в Лондон с целью ближе ознакомиться с социальным движением и деятельностью социалистов и анархистов. То было время больших, бурных событий. Движение безработных в Лондоне, кровавая борьба рабочих массы с полицией на Трафалгер

сквере и, в особенности, трагедия чикагских мучеников, — все это так действовало на молодого поэта, что он почувствовал в себе сильный порыв описать в книге все эти социальные события. Но, приступив к работе, Маккай написал не больше двух глав. Он сам еще не был готов для всей работы; его мучили сомнения и спорные вопросы. И он отложил свою работу на четыре года.

В это время Маккай предпринимает поездку по Италии и Швейцарии и вместе с тем усиленно занимается литературной работой. В 1888 году выходит из печати четыре сборника его повелл и поэм и среди них — сборник песен под названием «Буря», доставивший ему славу «первого певца анархии», чем он всегда гордился. Затем, в 1889 г., он с большим увлечением изучает известную книгу Макса Штирнера «Единственный и его достоинство», вышедшую в свет в 1845 году и затем позабытую. Эта книга сильно повлияла на Маккай и на все его идейное развитие.

Наконец, в 1891 году, в Цюрихе появилась книга под названием «Анархисты», которую Маккай начал писать еще в 1887 году в Лондоне. Это было почти в то самое время, когда немецкие анархисты сделали первую попытку открыто пропагандировать свои идеи.

Среди различных анархических течений в Германии в то время пользовался известностью революционный коммунистический анархизм, но даже сторонники этого течения далеко не все ясно представляли себе свои идеи и стремления. Вся тогдашняя анархическая литература состояла из нескольких агитационных брошюр Моста, Кропоткина, Реклю и других анархистов. И в это время появилась книга Маккайа «Анархисты», благодаря которой в Германии впервые ознакомились с новым течением — индивидуалистичес-

ким анархизмом.

Эта книга вызвала в анархических кругах горячие дискуссии. Благодаря художественному стилю и тому, что книга написана в форме романа, «Анархисты» читаются с большим интересом, но надо заметить, что только немногие воодушевились теми идеями и стремлениями, которые Маккай старался изобразить в своей книге, как подлинное и единственное учение анархизма. Эту книгу многие ценили, как художественное произведение, как замечательный труд даровитого поэта, но в теоретическом отношении ее рассматривали, как слабую работу.

В своей книге Маккай поставил себе главной задачей доказать невозможность объединения двух мировоззрений — анархического и коммунистического — и опровергнуть идеи и воззрения коммунистического анархизма. Это видно из дискуссий между двумя главными героями книги: Обаном и Трупом — анархистом-индивидуалистом и анархистом — коммунистом. Но эти дискуссии не могли переубедить людей с самостоятельными и твердыми убеждениями. Даже аргументы индивидуалиста Обана, который есть никто иной, как сам Маккай, малоубедительны: в них нет новых теоретических идей и воззрений. Его же оппонент — анархист-коммунист Труп тоже слаб и однобок. В своих утверждениях, — и это потому, что Маккай вложил в его уста не правильные и ложные слова. Все такие теоретические недостатки книги «Анархисты» не преуменьшают ее художественного значения. Эта книга, написанная по-немецки, выдержала девять изданий и переведена на несколько европейских языков. Европейский перевод вышел в 1908 году, в издательстве лондонского журнала «Арbeiter Фрайнд» *).

После мировой войны Маккай выпустил в Берлине новую книгу «Искатель

свободы», в которой он ставит себе ту же задачу, но с большей ясностью и пониманием, что и в книге «Анархисты». «Искатель свободы» — это своего рода автобиография человека, прошедшего все жизненные этапы «ребенка», «мальчика» «мужчины», «оптимиста», «пессимиста» и «богоскателя». В этой книге он ясно и определенно выделяет позицию индивидуалистического анархизма, и разбирает также и другие социальные течения. И в конце ее выражена главная идея Маккай в следующей глубокомысленной фразе: «Искатель свободы» искал жизнь и нашел свободу, т. е. суть жизни».

Заслуживает внимания исследовательская работа Маккай о Штирнере. Завязав знакомство с друзьями и учениками последнего, он потратил много времени и сил с целью узнать побольше о жизни и деятельности автора труда «Единственный и его достоинство». И, как результат всех этих исследований, он написал книгу «Жизнь и труды Макса Штирнера», являющуюся очень ценной для всякого, интересующегося штирнерианством.

Маккай одно время был в Соединенных Штатах и он долгие годы поддерживал знакомство с Б. Таккером — американским анархо-индивидуалистом.

Несмотря на свою плодотворную литературную деятельность, выразившуюся в издании большого числа книг, Маккай все время терпел нужду и лишения. Последние годы он был телесно слаб и болел, и он умер на руках одного своего знакомого доктора.

Смерть Маккай — большая потеря для освободительной борьбы и для немецкой литературы, в которой покойный поэт занимал выдающееся место. Но в те перешней Германии нет места подобным потерям. Жизнь Маккай угасла приблизительно неделю после того черного дня (10 мая), когда гитлеровские банды сожгли лучшие произведения немецкой литературы, и кто знает, не погибли ли в огне — наряду с другими — и труды Маккай?

С еврейского Л. Л.

* *) Есть и русский перевод книги «Анархисты». (Примечание переводчика).

ДЖОЗЕП ЛАБАДИ (с английского)

В одном из выпусков «Мичиган Хис-тори Мэгэзин» Ларене Х. Конрад дает следующую характеристику Дж. Лабади:

«Всею знаком Дж. Лабади. Все бедняки знали его, ибо он выражал их волю и чаяния. Но богатые знали его тоже и многие из известных в штате личностей в течение последних 50 лет были рады называть себя его друзьями. Люди знали, как Джо и «Мама», — неразлучные друзья на протяжении многих лет, — работали вместе ради торжества высоких идеалов. Многим известна принадлежавшая Лабади типография, оборудованная с целью распространения хороших идей. В этой типографии Джо писал и печатал свои книги; там же работала «Мама» в качестве переплетчицы до тех пор, пока смерть не прервала ее жизнь».

Джозеп Лабади родился в штате Мичиган в 1850 году в семье франко-индейского происхождения. Первоначальное школьное образование он получил в маленьком городке, Пуу-Пуу. Когда исполнилось 16 лет, он получил работу в типографии, в Саут Бенд, Индиана. Здесь он впервые познакомился с рабочим движением. В 1876 году он уже состоял активным членом партии «Грийбак», которая однако, казалось ему недостаточно прогрессивной. На конференции этой партии, состоявшейся в 1880 году в Чикаго, Лабади оказался в числе 40 делегатов, покинувших заседание на том основании, что конференция высказалась против равноправия женщин. Вскоре после этого Лабади примкнул к партии социалистов. В 1878 году он считался членом «Рабочего Ордена» и являлся первым рабочим организатором в Мичигане. Еще за несколько лет до этого Лабади вступил в ряды типографского юниона.

Письмо Лабади, опубликованное в 1883 году Бенджаминном Туккерем в газете «Свобода», свидетельствует, что Лабади в это время уже был анархистом. Он писал:

«Мы не можем больше надеяться на парламентские реформы; мы должны создавать классовые радикальные организации для борьбы на местах».

В 1887 году Лабади состоял редактором «Рабочего Листка». Он защищал чикагских анархистов, как в печати, так и на массовых митингах. Незадолго перед казнью чикагских мучеников Лабади лично посетил некоторых из них в тюрьме.

Приблизительно в это время Лабади с женою приступили к постройке дома в Детройте, при чем строго придерживались 8-ми часового рабочего дня. Газета «Детройт Журнал», удивляясь, что рабочие, работая при постройке 8 часов, получали плату за целый день.

«Рабочий Орден» вскоре прекратил существование. Лабади объяснял это тем, что орден не отважился выступить в защиту чикагских мучеников.

Лабади отличался всесторонними способностями. Он был чернорабочим, печатником, редактором, писателем, издателем, лектором, организатором, клерком, по-этом. Он не знал усталости. Его любили и уважали.

О популярности Лабади среди населения лучше всего свидетельствует следующий случай.

В 1908 году Лабади имел небольшую городскую должность — в департаменте водоснабжения гор. Детройта. Новый глава департамента, зная, что Лабади—анархист, решил удалить его с должности. Тем более, что нужно было «очистить» место для друзей и приятелей нового главы. Лабади выбросили на улицу. Когда весть об этом разошлась по городу, население подняло такой протест, что глава департамента водоснабжения вынужден был обратно принять Лабади на службу. Газеты затем долго высмеивали главу департамента.

Лабади многим был известен как поэт-анархист. В связи с этим Л. Конрад однажды заметил:

«Мне кажется, что подлинный анархизм есть поэзия, а подлинная поэзия — анархизм».

Лабади никогда не увлекался фракционными распрями. Он близко стоял к Туккеру, основоположнику — анархического индивидуализма в Америке, и в то же время помогал Иоганну Мосту, стороннику анархо-коммунизма. Фракционные расхождения казались Лабади незаслуживающими внимания. Он по этому поводу обычно выражался:

«Дайте населению понять, что теперешняя система несправедлива, покажите ему, анархизм — единственную гарантию свободы. Когда свобода будет достигнута, тогда на основании окружающих обстоятельств будем рассуждать что лучше — коммунизм или индивидуализм. В том и другом случае я останусь лояльным анархизму. Я не нарушу ничьей свободы, но не хочу, чтобы и мою нарушали. Пока свобода не осуществится, нам нечего увлекаться фракционными раздорами. Мы все жаждем свободы, пусть же свобода будет нашим боевым кличем! Противника необходимо атаковать во всеушное, во многих пунктах. У одних из нас окажется лучшее материальное оружие, а у других — духовное. Но если мы будем действовать вместе, у нас будет сила».

Лабади допускал для совместной борьбы против капитализма не только единение всех анархистов, но и социалистов, большевиков, Н. Р. М. и др. левых групп.

Всю жизнь Лабади был в центре протеста против современного строя. Лабади находил что-то хорошее и готов был поддерживать любое выступление. Он отличался чрезвычайной терпимостью ко всем инакомыслящим. За это некоторые называли Лабади «анархистом — дэнди». Лабади доказывал, что терпимость — первейшая основа для процветания свободного общества. Он, однако, не разделял принципа, гласящего, что если тебя ударят в одну щеку — подставь другую. Религиозная пассивность была чужда Лабади, он был боец, но боец с исключительно честным и чистым оружием.

Находясь в рядах рабочего движения с 1870 года, Лабади успел собрать богатую коллекцию литературы по рабочему вопросу, преимущественно анархических изданий. Всю эту коллекцию он подарил Мичиганскому университету. Там имеются анархические издания на всех языках. Коллекция до сих пор пополняется новыми изданиями. Заведует этой литературой в университете Агния Инглис, друг Лабади.

Лабади тихо и мирно скончался 7-го октября 1933 года. Анархическое движение потеряло идейного товарища и хорошего человека.

КАРЛ НОЛД.

«MAN»

Вдали от безумного горя,
За чертою страданий и слез—
Разливается вольное море,
Блещет жизнь под гирляндами роз.
ДЖ. ЛАБАДИ.

КАРТИНКА ИЗ ЖИЗНИ

— Помогите! Два дня не ел уж,
Обратился, с слезою в голосе,
Молодой к ожившему старику,
«Или работу дайте. Пусть тяжелая, не—
важно.

«Я—молод и работы не боюсь».

— «Ты молод, а милостыню просишь.
Босаяк» —

Огрызнулся лоснящийся затылок.
И, стиснув между зубами гавайскую сигару,
Лыбнув, обратился к проходившей ко-

ботке:

— «Хотите прокатиться? Прошу!»

И, усевшись важно в автомобиле, приказал шоферу вести себя в кафешантан.
А молодой, в ком жизнь только расцветала,
Втянув голову между плечами, поплелся
дальше, престоная:

— «И это—жизнь! И это—поэты!»

Анатолий Горелий.

Розарио, Аргентина.
11 июля 1933 г.

M. NETTLAU.

Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.

В этой статье, я хочу поднять важный вопрос о некоторых новых видах и формах борьбы в рабочем движении. На данный вопрос, насколько мне известно самому и приходилось слышать от других, до сих пор было обращено недостаточно внимания. А между тем желательно, чтобы анархисты обсудили его тщательно и высказались бы, в какой мере здесь предлагаемые способы целесообразны для достижения полного освобождения, и стоит ли нам, анархистам, защищать их.

По моему убеждению, рабочее движение развивается очень медленно. Мрак невежества и застарелые предубеждения на родных масс так еще все сильны, что самые ясные мысли и до наглядности простые истины, легко доступные каждому из нас, остаются чуждыми и недоступными громадному большинству; сомнительно даже, чтобы народные массы могли усвоить их без фактического их применения к действительной жизни. Даже в странах, где эти применения к жизни до известной степени осуществлены, где экономическая солидарность рабочих доказана не на словах, а действительной материальной выгодой, хотя и не очень значительной — как, например, в трэд-юнионах (английских рабочих союзах) и в кооперации, — массы народные до сих пор остаются чуждыми им, несмотря на целое столетие пропаганды и агитации.

Верен или нет этот пессимизм, во всяком случае он вызывает полезное стремление найти новые приемы для большего усиления борьбы пролетариата, и уже были предлагаемы, даже пробовались за последние годы, некоторые виды такой борьбы. Так, например, делаются попытки организовать всеобщую стачку, стачку военных, международную стачку рудокопов, устраивать массовые походы рабочих без работы и стачечников на столицы, как то было несколько лет назад в Соединенных

Штатах и в последнее время во Франции; некоторыми французами предлагается саботаж, или медленная и плохая работа "go slowly" («работай исподволь»), как выражаются англичане. С другой стороны, пытаются воспользоваться существующими рабочими организациями для непосредственного экономического осуществления солидарности, как то видно в нескольких устроенных кооперативных колониях, в совместном действии потребительных обществ и трэд-юнионов, в устройстве «бирж труда» для прямого обмена продуктов вольного труда по американской системе.

С своей стороны, и я беру на себя смелость указать еще на некоторые приемы действия, по отношению к которым анархистам следует держаться той же тактики, какой они держатся относительно выше перечисленных; а именно, содействовать им на деле, но — сохраняя в чистоте пропаганду наших принципов и социального строя, основанного на свободе личности в свободном обществе.

Одновременно с пропагандой анархических идей и истинно революционной борьбы, следовало бы всеми силами пробудить в народе сознание свободы и личного достоинства, взаимной солидарности и желание жить согласно сознанию. Особенно важно, чтобы люди сознали, как тесно связаны между собою эти начала. Без такого сознания, свобода и личное достоинство, истолкованные поверхностно, могут породить личную деятельность исключительно ради своей индивидуальной выгоды, даже в ущерб товарищам; а что касается до взаимной солидарности без свободы и личного достоинства, то современный строй, с его возмутительными учреждениями, с его конкуренцией, патриотизмом, с религиозной, политическими партиями и проч., есть тоже плод козняканского единства большинства невежественных масс.

Поэтому, полное и сознательное представление о неотделимости свободы от солидарности становится обязательным, особенно в виду того, что люди с подобным переломным пониманием, конечно, будут воспримчивее к нашим воззрениям.

Мне кажется, это положение может быть принято за основное, за своего рода пробный камень при выборе средств и приемов действия, при чем последние должны быть, по возможности, приспособляемы к нему.

Но прежде чем приступить к изложению моего доклада, мне следует оговориться по двум пунктам, в которых, мне кажется, я немножко еретик относительно господствующих экономических воззрений, — во всяком случае, относительно обычных доводов, употребляемых в агитации. Мои последующие выводы основаны на этих двух пунктах.

Первый пункт касается так называемой публики, значение которой в рабочем движении, по моему, было мало оцениваемо. Члены данного ремесла организованы и упорно борются за улучшение их экономического положения; то же самое делают хозяева, которые могут быть вынуждены на уступки труда удачными стачками, или единодушным и сильным традиционным. Но потребители продуктов ремесла, обыкновенно, вовсе не организованы и не делают ничего для ограждения своих интересов потребителей, для получения лучших продуктов по наименьшей их стоимости. Вследствие этого, капиталисты стараются, да и успевают, вернуть всю сумму, уступленную ими труду, усиленную эксплуатацией неорганизованного потребителя. Как известно, рабочие ни мало не думают о публике и ее интересах в ее борьбе с капиталом, а это неизбежно ведет либо к повышению цен на продукты, либо к ухудшению их достоинства. Таким образом, публика платит из своего кармана капитализму всю ту сумму, которая бывает вырвана у него борющимися рабочими.

А из кого, спрашивается, состоит публика? — Из потребителей, конечно. Одна

часть их состоит из людей достаточных и богатых, для которых повышение цен на продукты имеет малое значение, и мы в нашем анализе можем оставить их в стороне. Другую и гораздо более многочисленную часть составляют люди малых достатков и бедняки. Для них повышение цен означает лишения, образование доходов, а часто и обеднение. Многие из них, убежденные социалисты и анархисты, с удовольствием несут возросшее бремя, зная, что оно есть результат успеха товарищей рабочих; другие готовы терпеть это повышение по чувству солидарности и по любви к справедливости: недаром мы возлагаем все наши надежды на лучшее и светлое будущее. Но было бы большой ошибкой предполагать, что и та часть народных масс, до которой не коснулись ни прогрессивные идеи, ни возвышенные чувства, питает в этом случае симпатию к организованному труду. Если бы этой массе не были чужды прогрессивные идеи, — разве современный строй мог бы долго просуществовать! Их отсутствие я приписываю, что масса не только остается безучастной к победам организованных рабочих, но, может быть, встречает их даже враждебно. Вообразим себе, например, семейного чернорабочего, сочувствующего стачке углекопов и охотно подписывающего несколько пенсов на поддержку ее. Вряд ли его жена, которой приходится еле-еле сводить концы с концами по их грошевому хозяйству, будет вполне разделять его симпатию, так как при том же заработке мужа ей придется покупать уголь по очень возросшей цене. Если при этом между ними не будет прямого разлада, то особенного согласия тоже быть не может.

Таким образом, стачки этого рода в общем ничего не изменяют экономически и нравственно, даже в случае победы стачечников. Денежная уступка хозяев заваливается на плечи потребителей и тяжелее всего чувствуется беднейшим из рабочих, и нравственный подъем духа у стачечников и их энтузиазм вполне уравновешивается сетованиями и глухой враждой действительных плательщиков выигрыша.

Поэтому, было бы хорошо и полезно найти средства заинтересовать большинство рабочего населения в материальных выгодах стачки, а не ограничиваться одной нравственной стороной дела. Раз заинтересованные материально потребители могут помочь стачке гораздо существеннее, чем сборами и симпатиями; они, как потребители, могут наложить бойкот на хозяев, — всемогущее средство в экономической борьбе.

Таков мой первый пункт.

Вторая моя ересь касается ответственности рабочих за исполняемую ими работу. Об этой ответственности до сих пор не было и речи. Принято считать честным всякого, кто работает за жалованье, не разбирая, что именно он делает. Нет, кажется, такого низкого и презренного вида труда, который вызвал бы угрызение совести у людей, им занятых. Не говоря о возмутительном соперничестве людей всяких профессий и общественных положений, заявляющих желание занять место палача — разве не самое задушевное стремление многих стать в один прекрасный день полицейским? И не полицейских ли с солдатами откармливают простодушные кухарки и другие нищие духом? Английские солдаты, например, вербующие добровольно, знают очень хорошо, что их назначение вовсе не «защита родины», на которую никто и не думает нападать, а что им придется усмирять — то бунт их бедных сограждан, то восстания плохо вооруженных дикарей, и что усмирять эти бунты и восстания им следует самым беспощадным и кровавым образом, дабы задушить их в зародыше и помешать им распространиться. И молодые люди без угрызения совести поступают добровольно на эту службу полицейского и палача, и никому не придет в голову постыдиться водить дружбу с солдатом. Точно так же никогда не бывало недостатка в сборщиках податей, арендных и квартирных денег, или в поземельных агентах в Ирландии, ни в их судебных крючках и сутягах. А общественное мнение, ладное на разлаго-

льствования о человечности и о цивилизации, как бы не замечает присутствия в нашей среде этих хищников, а если и вспоминает о них, то разве для того, чтобы пожалеть о них, как о неповинных жертвах.

Но и этого мало. Названные хищники, в конце концов, считаются единицами или десятками, тогда как вредными ремеслами и производствами занято несравненно большее число людей, которых никто и не думает укорять в этом. Здесь я имею в виду громадное число рабочих, занятых постройкой скверных домов, выделкой плохой одежды, дурной пищи и т. д., и тем самым отравляющих жизнь и понижающих умственную деятельность и энергию организма их же собственных товарищей рабочих.

В самом деле, кто строит трущобы и — что еще хуже — кто их постоянно поддерживает замазывая, подтирая, подкрашивая? Кто шьет скверное платье и приготавливает отвратительную пищу и напитки, — продукты покупаемые исключительно бедняками? И кто, в довершение всего, сбывает, навязывает их бедоте со всевозможными ухищрениями, с лживыми уверениями и прямо обманом после того, как другие подмазали и подчистили их сваружки, лишь бы сбыть с рук? Все это продельвается взрослыми, добросовестными, хорошо организованными и всеми уважаемыми строителями, ткачами и приказчиками; хотя, конечно, делают они это по приказанию и по требованию капиталистов, и единственно для их выгоды. По моему, особенно возмутительно тут то, — и я не нахожу этому факту оправдания — что до сих пор никто не только не пытался уничтожить это зло, но даже никому не приходило в голову изучить или хотя бы констатировать его.

А все, в сущности, сводится к давнишним оправданиям, что, мол, «моя хата с краю». Я обязан работать; у меня нет другого выбора. «Если не я, то кто-нибудь другой это сработает». Мне от этого нет выгоды; и сам бы я рад рабо-

тать над чем-нибудь действительно полезным». «Не моя в том вина: ответ на хозяина, приказавшем мне так работать».

По моему мнению, пока подобные лицемерные и грошевые увертки будут признаваться правильными, все будет по старому, и лучшему, светлому будущему никогда не осуществиться. Согласно с этими взглядами, капиталистам всегда удастся иметь одну часть рабочих для угнетения другой половины. Капиталисты могут еще очень долго держать массы в умственном и нравственном унижении, в состоянии истощения, дряблости и неведения даже о существовании самых высших наслаждений жизнью: мрачная и подавляющая обстановка, отвратительное питание организма, ослабляя мозговую деятельность, мешают развитию энергии в массах. И все эти условия создаются самими же рабочими, непосредственно и лично страдающими от них вместе с другими. Как прямое убийство, хотя бы солдатами стачечников, так и косвенное убийство производством отвратительной пищи, ужасных жилищ и прочее, над чем работают сами же потребители и чем они губят других рабочих, — и то и другое одинаково пагубно и должно быть признано таковым прежде всего, даже раньше, чем думать об общественной форме.

Это и есть то, что я разумею под ответственностью рабочих, за продукт их труда. Я даже прибавлю, что отсутствие подобного сознания о нравственной ответственности одинаково унижает как рабочих, так и их жертвы. Никто не станет отрицать, что полицейские и солдаты нравственно изуродованы их гнусным ремеслом охотников на людей, коварно убивающих изданы. Я без стеснения заявляю, что то-же самое происходит с рабочими ремесла, занятых недобросовестным производством. Возьмем, например, водопроводчика, уверяющего всех и вся, что он чинит водопроводные и сточные трубы, хотя в действительности он и не думает об их починке: или возьмем приказчика, целый день навязывающего покупателю не тот товар, который нужен последнему, а тот, от которого он сам хочет избавиться

хозяина, потому ли, что товар залежался, или потому, что на нем выручается больше барыша. Не думаю, чтобы характер этих людей, как бы честны, трудолюбивы и добросовестны они ни были при начале, мог улучшиться от такой практики; вероятнее, что они станут скорее черствыми и равнодушными, чем чуткими и отзывчивыми. Точно также и толпы производителей продуктов низшего качества не могут быть заинтересованы в их собственном труде. А человек не может жить без интереса к своей работе, — без этого его способностиглохнут, мозг тупеет и, в конце концов, он не будет в состоянии думать ни о свободе, ни о восстании против несправедливости, а еще меньше об их выполнении. Сравнив подобных людей с описанными Вильямом Моррисом в «Возрождении Ремесла», Вести «пноткуда» и других производствах станет ясно, что я хочу сказать.

Таким образом, каждый обречен быть жертвой указанного отношения к труду, как всякий, кто действует против интересов общества, рано или поздно становится жертвою своих собственных поступков. Всякий рабочий презирает шпиков и доносчиков; большинство из них презирают заместителей стачечников, и до тех пор, пока не установится подобного же отношения ко всем, занятым производством вредным для общества, пагубным для их же соотечественных рабочих, — до тех пор мало надежды на будущее.

Таково мое второе предварительное положение. Теперь я приступаю к моей основной мысли, в изложении которой я могу быть очень краток, благодаря этим изступительным объяснениям.

Мне хотелось бы найти приемы действия, облегчающие народу усвоение настоящих понятий о свободе, о человеческом достоинстве, солидарности и нераздельности их интересов, об их единстве.

Подобные приемы могут быть выработаны, если только что нами указанные два элемента будут как следует применены на деле; если будет сознава необхо-

димость заинтересовать экономическое общество (большинство все рабочие) в каждой стачке в такой мере, как в ней заинтересованы стачечники; и с другой стороны, если в рабочих будет пробуждено сознание ответственности перед обществом за характер и род ими исполняемой работы, и тем вызвана в них решимость не браться за вредящие человечеству производства.

Это возвысило бы чувство личного достоинства и самоуважения, чувство взаимной солидарности, и повело бы народные массы к желанной свободе, расположило бы их к восприятию нашей пропаганды, ибо в этом случае не будет существовать, как теперь, противоречия между идеалами и действительностью.

Практическое выполнение такой задачи, по моему, требует, чтобы рабочие, отказавшись выполнять работу, вредную для общества, в то же время выступали с объяснением к самому обществу, насколько оно обмануто, как страдают его интересы. Что же до сочувствующих стачке, то их долг звать общество на поддержку подобной стачки, защищающей его интересы, и стараться вызвать симпатию и организовать бойкот. Такая стачка будет прямым вынуждением и для общества, и для стачечников; если в ней кто пострадает, то, разумеется, капиталист, и на этот раз он пострадает фактически через понижение спроса, а стало быть прибыли. Конечно, этим еще не будет вырван с корнем существующий строй, как и вообще стачка не подрывает корней существующего порядка. Этого может достигнуть народ только решительным отказом работать на других, всенародной общей стачкой, социальной революцией. Но такой способ экономической борьбы может еще теснее связать рабочий класс; стачки потеряют их внешний характер и станут делом общественным, и поддерживаться будут они не личными симпатиями отдельных лиц, в силу идейной солидарности, как теперь, а в силу экономических общественных интересов.

На деле этот новый прием борьбы мо-

жет принимать самые разнообразные формы. Лишь бы только он был усвоен тред-юнионистами и социалистами, а потом в практических попытках недостатка не будет.

Если, например, организованные строительные ремесла решили бы, что ни один их член не приложит рук ни к поправке, ни к постройке зловонных лачуг и трущоб для бедных и если в то же время они обратятся к обществу с разоблачениями вредного и губительного характера этих построек в санитарном отношении, — то вопрос о здоровых жилищах для бедных в больших городах был бы поставлен на обсуждение и разрешение несоразмерно резче и энергичнее, чем то делается теперь комитетами, митингами, прессою и агитацией. Нечему тут удивляться, если до сих пор народ остается безучастным к агитации по этому вопросу. Они видят воочию, что все остается попрежнему, что их друзья и соседи, если они члены строительных ремесел, своими починками, заплатами и подмалевываниями увековечивают существование грязных лачуг и приютов нищеты и заразы. А с другой стороны, мелкие торговцы и приказчики, быть может и сами-то живущие в этих лачугах, воздают лишь должное строителям, продавая им гнилую пищу и отравленные напитки. Одни других надуют и душат на пользу капитализму. Правда, иногда эти гнилые лачуги обильно засеяны вредными рассадниками заразы, раздаются требования об их разрушении, но это, обыкновенно, происходит не по инициативе строивших и чинивших их, не по требованию их обитателей, а под давлением санитарных властей, старающихся оградить от опасности заразы, распространяемой этими логовищами бедноты, жилища богатых. У самих же жертв этой системы слишком ничтожно развито чувство личного достоинства и вполне отсутствует инициатива. Всеми силами надо стараться вызвать у них и то, и другое, и сознание о взаимной ответственности есть одно из средств для этого.

Пусть члены строительных ремесел

Лондона решат не прикасаться ни одной рукой к бесчисленным гнилым лачугам Восточной и Южной части города. Одним этим решением был бы выдвинут на первый план не только вопрос о жилищах рабочих, но сразу был бы поставлен ребром вопрос о поземельной собственности и о лендлордах. Ответом публики на подобное решение было бы: «Долой наемную плату!» А приказчики могли бы помочь, отказавшись от дальнейшей продажи отвратительной, испорченной пищи. Это могло бы вызвать у обитателей бедных кварталов желание поближе взглянуть на дома богатых и попристальнее присмотреться к доставке пищи в гавани и доки. Во всяком случае, являлась бы некоторая возможность отделаться от гнуснейших сторон жизни бедных кварталов, — а это чего-нибудь да стоит! — тогда как строительные ремесла вполне бы вознаградили себя за свою стачку заработками на постройках новых хороших домов и в здоровой обстановке.

Так могли бы отказаться и ткачи производить дрянные сукна из старых лоскутьев и гнилой шерсти. Даже меньшинство из них, те, кто заняты наведением ворса и лоску на эти сукна, достигли бы кое-чего уже простым отказом и заявлением публике о причине своего решения.

То же самое относительно химической техники, с ее адом производства свинцовых белил и подобных продуктов. Тут уже сама работа убийственна для организма и никакими соболезнованиями и административными мерами делу нельзя помочь. Чтобы подобные мастерские могли когда-нибудь запустеть, следует стыдом и презрением преследовать тех, кто продает себя в них на смерть. Их следует стыдить, потому что они поддерживают своим трудом существование подобных заведений, а пока последние будут существовать, они будут притягивать к себе новые жертвы, часто даже не понимающие всей вредности своей работы.

Разве приказчики не добились бы от хозяев многих из своих требований, если

бы они решили, что лгать перед покупателем ради хозяйской выгоды унижительно для их человеческого достоинства? Конечно, публика в этом случае стала бы за приказчиков и бойкотировала бы лавочника с его лавкою и скверным товаром. При теперешнем же положении дела в торговле — публике трудно сочувствовать приказчикам и рабочим. Мы можем соболезновать об их долгом рабочем дне, можем добродушно переносить ранее закрытие лавок, но мы хорошо знаем, что все наши симпатии не помещают приказчику всучить нам гнилую пищу за свежую, если того потребует хозяин.

Одним словом, как потребители, мы не можем сочувствовать слугам капиталистов, а так как в обоих случаях большинство состоит из рабочих, то они и остаются разбитыми на два враждебных лагеря, объединить которые удастся только практическим осуществлением взаимной солидарности.

Убеждение и чувство — прекрасные вещи, но они далеко не во всех случаях пригодны для этой цели.

Приведенными примерами моя основная мысль более или менее выяснена, хотя она ими не исчерпывается. Я вполне сознаю всю трудность почина в этом деле, почему я и предлагаю на первое обсуждение вопрос о взаимной ответственности. Раз данная мысль усвоена, хотя бы и немногими, неминуемо появятся желающие осуществить ее, сначала, быть может, даже неподготовленные и неорганизованные для практического действия. Движение может начаться самой ничтожной мастерской, рабочие которой могут побросать свои инструменты и решительно отказаться от продолжения вредного, противобщественного труда; или же оно может быть начато обычным порядком — через решение конгрессов и проч. Во всяком случае, моя мысль является шагом вперед к альтруизму. Ведь мы презираем являющегося на работу во время стачки заместителя за его содействие хозяину, в борьбе против своих товарищей, за его противно-общественный поступок. Почему

же мы делаем исключение и допускаем другое отношение к другим родам противообщественных поступков, как вредная для общества работа и тому подобным? Если часть рабочих с первого раза не усвоит подобного отношения, пусть сама публика установит его и действует согласно с ним.

Все это может показаться жестоким безсердечием. Но перед вами только два выбора: или быть сентиментальным и не слушая голоса рассудка, соболезновать всякому, прощать все и вся, проливать слезы над убитыми и ранеными солдатами, над потерпевшими полицейскими при выполнении их обязанностей; или же быть логичными, и в таком случае мириться с господствующим характером отношений, разве только в виду неподготовленности общественного мнения, над выработкой которого мы и должны работать. Игнорировать или прямо отрицать принцип ответственности возможно только при поверхностном сентиментализме или же при такой степени нравственной дряблости, когда люди готовы свалить вину со своей головы на чужую, вместо того, чтобы смело вдуматься в истину, хотя бы и нежелательную. Нежелательной я называю ее потому, что она увеличивает нашу подготовительную работу социального переворота; но ведь настоящий переворот и не может совершиться, пока люди останутся при нынешних нравственных отношениях.

Из всего сказанного легко видеть, что я предлагаю две вещи: во-первых, развитие сознания ответственности; а во-вторых, применение этого сознания к организации, так сказать, общественных стачек в интересах всего общества, как то было указано выше. Если окажется, что подобные стачки неосуществимы: следует искать иных способов применения этого сознания ответственности, верного в своей основе и могущего влиять благотворно. По моему глубокому убеждению — наносить какой бы то ни было вред своему ближнему по приказу капиталиста непростительно никому, и оправдание, что «я-де только орудие», прямо постыдно.

Все это под стать мирящимся с существующим общественным строем, довольным своим положением слесного орудия капитализма и поработителей. Но те, кто отрицая современный строй, в то же время совершают подобного рода противообщественные поступки, являются, допустим, бессознательно, его пособниками, которым никогда не разбить его.

Мне хочется, чтобы люди стали прежде всего свободными умышленно; потом, чтобы они отказались от работ, способствующих развитию пипеты и укреплению современного порабощения, и тем самым вызвали бы в массах ту широкую волну взаимной симпатии и солидарности, которая станет самым могущественным связующим началом в дальнейшей борьбе.

Важность экономической борьбы, по моему, лучше ценится теми, кто сознает себя свободным и видит в свободе окружающую лучшую гарантию для своей собственной свободы. Если своим отказом работать на капиталиста они не подождают конца современной системе, то, во всяком случае, они постараются не работать больше во вред себе подобным, не заботясь о том, отвечают ли последние немедленно взаимностью и солидарностью, а повинаясь в своем решении лишь голосу совести и чувству личного достоинства. Таков настоящий способ действия анархистов: «делай сам то, что ты хочешь, чтобы делали другие».

Люди, признающие политическое действие и власть, обыкновенно омылают руки от этого и всенародно провозглашают неизбежность вышеуказанного, чем они содействуют дальнейшему процветанию злоупотреблений, а вместе с тем — надеются, что кто-нибудь да совершит то, чего они сами не могут или не хотят делать. Но мы, отвергнувшие эти софистические тонкости в политике, обязаны отвергнуть их и в области социальных отношений в самом широком смысле слова, а потому мы и выдвигаем на первое место требование об ответственности каждого в исполняемой им работе.

Оговорюсь еще, что при обсуждении этого вопроса слово «нравственность» должно быть употреблено не в том смысле, будто бы я требую от рабочих быть нравственнее. Не в этом смысле я употребил его. Я желаю рабочим быть, прежде всего, свободными и полными сознания своего личного достоинства, самоуважения; а тогда уже их собственное чувство подскажет им решение отказа от всякого противообщественного дела, как теперь они отказываются стать доносчиками и парширыми хозяйскими затычками во время стачек. Легко говорить: прежде всего уничтожить капитализм и современный строй, а тогда уже рабочие приобретут эти качества. Но, спрашивается, кто будет разрушать современный строй, когда мно-

мый закон Маркса, что капиталисты со временем поедят друг друга, нас больше не ублаживает, как издавна ублаживал социал-демократов?

В заключение повторяю, что у меня нет ни малейшего намерения уменьшать важность какого бы то ни было приема современной пропаганды: но мне было бы желательно, чтобы предлагаемый метод пропаганды был обсужден, особенно при встрече анархистов с тред-юнионистами. Это может, в конце концов, повести к превращению борьбы с тред-юнионистами из обыкновенной узко-ремесленной — в борьбу за общественное освобождение, что неминуемо вызвало бы симпатию всех свободных людей, которым дорога и свобода других.

АНАРХИЯ

Всегда оклеветанная, проливаемая, никог
да не понимаемая,
Ты являешься свирепым ужасом нашего
времени.
«Ты—разрушение всякого порядка», кри-
чит толпа,
«Война и безудержная злоба убийств».
Пусть они кричат. Тем, кто никогда не
стремится.
Найти истину, скрывающуюся за словом,
Тем не дано понять его истинное значение.
Они останутся навсегда слепыми среди
слепых,

Но ты, о слово, такое ясное, такое силь-
ное и чистое,
Ты провозглашаешь все, что я поставил
себе целью.
Я отдам тебя будущему! Ты будешь жить,
Когда каждый пробудится в самом себе.
Придет ли это при свете солнца или под
свист бури,
Я не могу сказать, но земля это увидит.
Я—анархист! Поэтому я не стану
Управлять, но не желаю и быть управляе-
мым.

Д. Г. МАККЕЙ.

ИДЕЙНЫМ АНАРХИСТАМ

Не под гром рукоплесканий,
Под свисты пуль и волчий вой,
С слезами долгих нетизаний.
Шли вы в смертный бой.
**
Под грохот брани отдыхали,
Под насмешкой жили вы.
Но с бодрым духом, с сильной верой
Вперед к победе твердо шли.
**

Враги пытались задуть вас силой,
«Друзья» вас желчью облили,
Но вы гордо, смело, стойко
Идею новой жизни несли.

И не под гром рукоплесканий,
Под свисты пуль и волчий вой
Войдете вы в страну Свободы,—
В мир Новый, Смелый, Молодой!..

Анатолий Горелик.

Штетин, 6 февраля 1922 г.

П. КОВАЛЬЧУК.

В АРГЕНТИНЕ

У нас сейчас такое положение, что мы окончательно не знаем, что будет завтра. Журналы, газеты и книги просматриваются и часто не доходят по назначению, так что окончательно не знаешь, что доходит и что нет. Поэтому было бы желательно, чтобы вы меня извещали когда посылаете чтонибудь для меня.

Живем мы сейчас в эпоху, когда не знаешь, что может случиться завтра. Особенно здесь в Южно-Американских странах. В Аргентине мы живем как на вулкане, в ожидании того, что может случиться, а что может случиться — никто не знает.

Еще меньше можно сказать чтонибудь хорошего о нашем движении здесь в Аргентине. Пара лет реакции, преследований, высылки из страны и запретов невероятно затрудняют всякую активность. К тому еще движение здесь зашло в тупик в элементах только поверхностно сознательных, и ясно что результаты оказались самыми плачевными. Многие, считавшие себя анархистами только потому что они — рабочие, отстали от движения при первом дуновении реакции; к тому еще эти рабочие элементы разложили движение раньше дразнами и преследованиями всех анархистов, не соглашавшихся с неанархическими взглядами и антианархической активностью рабочих элементов здешней Рабочей Федерации, претендовавших на анархизм. Это рабочее движение, претендовавшее руководить и контролировать анархическое движение, элиминировало много идейно честных и выдержанных анархистов. И результат получился тот, что все эти крикуны загнали и изгнали все лучшее в движении, а при первом дуновении реакции и сами исчезли. И результат те-

перь самый печальный: анархисты распалены, неорганизованы и раздроблены, а рабочие организации так много зла надеялись от одного только дуновения реакционного ветерка.

А что хорошего у вас? Какие новости получаете из России?

Ну, всего лучшего. До следующего письма. Привет всем. А. Г.
Буэнос-Айрес 29 июня 1933.

— ** —

АНАРХИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

На английском языке:

"Man", 1000 Jefferson st., Oakland, Cal.
"Freedom", P. O. Box 111, Station O,
New York, N.Y.

На болгарском языке:

«Мысль и Воля», Бул. Фердинанд, 25—
София1.
BULGARIA.
«Работническа Мисль», Тотлебен, 79
София, VI.
BULGARIA.

На литовском языке:

«Рабочая Правда»,
E. Zeballas, 527, Avellaneda
ARGENTINA

На французском языке:

"La Revolte" et "Temps Nouveaux"
J. Grave, a Robinson, par Sceaux (Seine)
FRANCE.

На испанском языке:

"Redaccion la Revista", Blanka 37 calle
de Barcelona., SPAIN.

На итальянском языке:

"Ladunata Dei Rejrattari"
Box 1, Sta. 18—Newark, N. J.

На еврейском языке:

"Freie Arbeiter Stimme"
45 W. 17th St., New York, N. Y.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп
"Пробуждение".

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

.....

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему нашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластных идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.